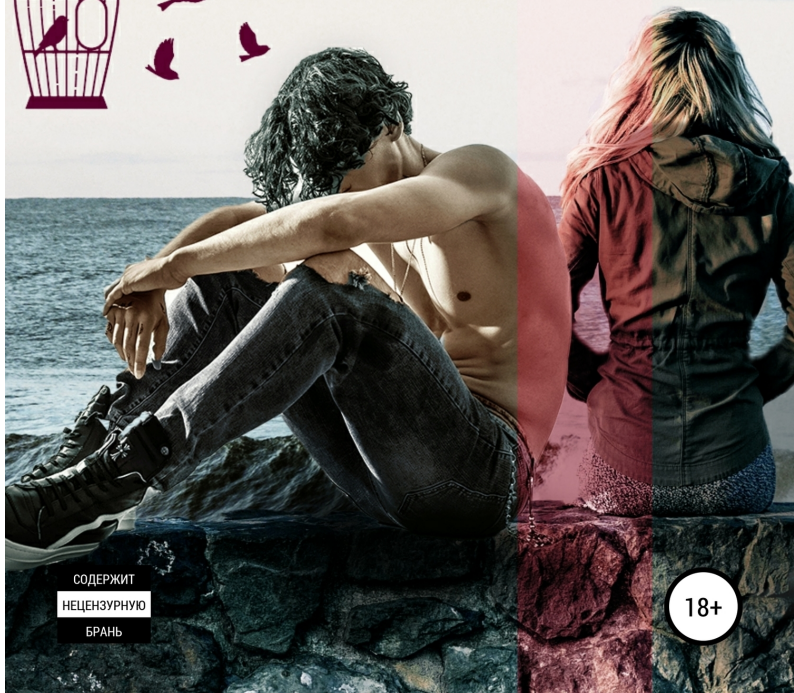

современный любовный роман

ЕЛЕНА ФИЛОН

Шакалота:

Птичка в клетке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Филон

Шакалота. Птичка в клетке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36326696

SelfPub; 2019

Аннотация

"Максим Яроцкий пережил страшную трагедию. Больше он не тот парень, которого все любили. Мало кто знает, какую опасную игру он ведёт, считая это расплатой для тех, кто обязан понести наказание. Это тайная игра на прохождение заданий, в которую втянули мою сестру и изнасиловали. А следом втянули и меня. Я понятия не имею, какой компромат нашёл на меня Макс и за что так поступает с девчонкой, которой год не было в городе, но, вернуться в школу и пройти игру, всё, что мне остаётся, чтобы докопаться до истины и помочь сестре. А ещё, у меня тоже есть секрет. Вот только я понятия не имела, насколько он страшный". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	38
Глава 3	43
Глава 4	59
Глава 5	73
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Дилогия, часть первая

Все герои вымышленные.

Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Пролог

«С молодёжью так всегда: она устанавливает собственные пределы, не задаваясь вопросом, выдержит ли организм. И организм всегда выдерживает».

(© Пауло Коэльо. «Вероника решает умереть»)

Нас было четверо.

Четверо друзей на берегу Чёрного моря.

Четверо шестнадцатилетних идиотов. Наивных придурков. Уверенных в своём будущем, в исполнении вселенских желаний и напрасных надежд. Уверенных: жизнь – это просто. Что может быть проще, чем жить? Делать, что тебе хочется. Фантазировать о том, какими успешными мы станем, счастливыми, богатыми... Разве может быть по-другому?.. Разве кто-то из нас может отрастить пивное брюхо и швырять в жену пустыми банками, чтобы та слетала за «догоном»?.. Нет, это не мы. Это не наше будущее. Наше будущее мы построим сами, камешек за камешком, а на кой чёрт нам ещё даны были амбиции, если не для того, чтобы мечтать, планировать, добиваться?

Трудности?.. Да у кого их нет? Не каждый из нас родился в обеспеченной семье, не каждый приходил на первое сентября в новых, модных туфлях, и уж точно не у каждого из

нас был шанс поступить в университет и в будущем получить высокооплачиваемую работу. Но разве для нас всё это имело значение?.. Слои общества, богатые предки, предки которые подтирают задницы богатых предков, школы и их директора, учёты в полиции за мелкие хулиганства, домашние аресты, лишение телефонов и карманных денег... Сбор мелочи по карманам, чтобы купить пачку дешёвых сигарет. Затем сбор мелочи, чтобы купить мятную жвачку и закусить запах табака перед походом домой. Кому-то было всё равно, кто-то лишь страховался от кулаков папаши. Кто-то страховался плохо и приходил в школу с фингалами под глазами, рассказывал, какую порку устроил для него батя, а потом мы все дружно ржали, просто от не фиг делать, просто потому, что нам было плевать.

Да... мы были полными идиотами. И это было весело.

Это было лучшее время в моей жизни. Думаю, тогда я был счастлив.

До того момента пока моя жизнь не стала дерьмом.

Четверо друзей на берегу моря.

Мы пили отвратительно тёплое пиво, самое дешёвое, на которое денег хватало. Ловили ртами солёные кукурузные шарики и отвешивали подзатыльник каждому, у кого были проблемы с координацией и ловкостью. Подзатыльники получали все. А самого криворукого подхватывали и мешком швыряли в воду.

Мы говорили о важном, и ни о чём.

Мы провожали диск пылающего солнца за горизонт, а затем провожали взглядами девчонок в купальниках, решивших искупаться в самое романтическое время суток. Нет, я не романтик. Кто-то из моих друзей им был. Кто-то, кто регулярно грузил нас душещипательными историями, а кого-то непреодолимо начинало тошнить в ответ.

Кто-то...

Имена не вечны, когда в них пропадет смысл.

Нас было четверо.

Четверо друзей на берегу Чёрного моря.

Нас было четверо.

От нас ничего не осталось.

Год назад

– СТОЯТЬ ШПАНА!!!

– СТОЯ-Я-Я-ЯТЬ!

– ГАДЁНЫШИ МЕЛКИЕ! СТОЯ-Я-ЯТЬ!!! КОМУ ГОВОРЯТ?!!

Курортный городок на берегу Чёрного моря – не самое лучшее место для побега от полиции. Особенно в летний сезон. Особенно ночью, когда на шумных улицах заполненных весёлыми отдыхающими и яблоку гнилому негде упасть. И особенно, когда у тебя от адреналина ноги подгибаются, а в глазах салютует разноцветными вспышками.

– СТОЯ-Я-ЯТЬ!!!

– Держите!!! Держите их кто-нибудь!!!

– Костян, не тормози!!! – оборачиваясь, орёт Чача, и я, замедляясь, хватаю Костяна за мокрый от пота ворот футболки и тяну за собой, сворачивая в переулок между баром и дешевой столовкой.

– Живей! Живей! – кричу, подгоняя, и не могу сдержать смеха. Расталкиваю локтями толпу, кого-то отправляю в полёт к земле, спешно извиняюсь и пробиваю дорогу дальше, то и дело, оборачиваясь на преследующих нас патрульных.

– Да они жирные вон какие! – Оскар бежит впереди всех и как коняра ржёт во всё горло. – Хрена лысого догонят!

– Догонят, – голос Чачи звучит нервно, и вскоре я понимаю почему.

Тупик.

Круто, блин!

– Сюда! – лезу через забор старой базы отдыха, хватаясь за стальную решётку. Носы кедов застревают в дырах, ограждение скрипит и стонет под весом четырёх придурков, один из которых продолжает ржать, как ненормальный.

Перепрыгиваю на другую сторону и тут же вжимаюсь в прогибающуюся под напором спины сталь.

– Ну? – сглатывает рядом Чача. – У кого есть опыт общения с пушистикami?

Здоровая сторожевая псина рычит и скалится, стреляя в нас разъярённым взглядом.

– Я обратно, – выдыхает Костян, карабкаясь вверх по решётке.

– Сюда!!! Они здесь!!! – Патрульные хоть и жирные, но шустрые оказались. Луч света скользит по физиономии Чачи, который смотрит на меня, как на долбаный спасательный круг в океане дерьма, и я делаю первое, что приходит на ум. А первое – не всегда хорошее.

Хватаю Костяна за ремень джинсов и сдёргиваю с забора на асфальт. Следом подхватываю мусорный бак и вместе с вонючим содержимым запускаю в псину.

– Живей!!! Шевелитесь, блин! – кричу, несясь к одной из старых деревянных халуп. – Наверх!

– И что? – Оскар бежит рядом. – На крыше нас только собака не достанет!

– Лезь!!! – ору Чаче, упираю ладони в колени и становлюсь для него трамплином. Рядом Оскар и Костян проделывают то же самое.

Ложимся спинами на ещё тёплую крышу и пытаемся дышать тише.

– Заткнись, Оскар, – рычит Чача. – Харэ ржать!

– Заткнитесь оба, – голос Костяна «виляет» от количества выпитого, и я слышу в нём нотки порывов к рвоте.

– Терпи, – смех начинает душить и меня. – Потом проблюёшься.

– Не могу... не могу. Блин, ща блевану!

– Терпи, Костян! – кусаю щёку изнутри, чтобы не рассме-

яться в голос. – Как тебе? Круто было? Идея себя оправдала? Поспорить он решил!

– Так не было ведь ничего. Даже пальцем до тачки этой не дотронулись.

– Ну да. Тогда почему мы убегали? – Чача с трудом переводит дыхание.

– Да хрен его знает, – посмеиваясь, отвечает Оскар. – Нелогично как-то.

– Бухать меньше надо было, – ворчит Чача, – и на понт меня брать.

– Да Костик просто шутил, – оправдываю друга, и Чачик отвечает мне недовольным взглядом:

– Костик просто нажрался в сопли.

– Ща блевану, пацаны-ы-ы...

– Терпи, блин! – фыркает Чача.

– А ты не ори на меня! – огрызается Костя.

– Я не ору! Эй, я что, ору на него?

– Может, ещё писюнами померяетесь? – смеётся Оскар.

– Я просто не понимаю, почему мы прячемся, если ничего не сделали, – Чача пытается говорить разумно. – Эй, Макс, мы ведь не сделали ничего?

– Абсолютно ничего, Чача, – отвечаю приглушённо. Переворачиваюсь на живот и смотрю в направлении забора и псины, которая, не затыкаясь, лает и колотит цепью по будке.

– Тихо вроде, – говорю, присматриваясь.

– Думаешь, свалили? – Оскар переворачивается на живот

следом.

– Тише, – прислушиваюсь.

– Блин, пацаны...

– Терпи, Костик!

– Не могу... Бли-и-ин, не могу-у-у...

Звуки рвоты эхом пролетают по старой базе, а следом, откуда-то снизу звучит отборная матерщина представителя закона обтекающего бывшим содержимым желудка Костика, и мне в лицо ударяет луч света от фонаря.

– Твою мать...

– Валим! Валим!!! – прыгаю с гаражей прямо на ментов, сбиваю с ног обоих и рву когти к забору.

Переваливаюсь на другую сторону, теряю равновесие и ударяюсь лопатками об асфальт. Костика штормит, но он первым протягивает мне руку, помогая встать на ноги.

– Давай, чувак. Гоним отсюда, – хлопаю его по спине, вращая головой по сторонам, ищу пацанов.

– Стоять!!!

– Говнюки! Шеи поскручиваю, как доберусь до вас! Выродки мелкие!

Вижу, как Оскар показывает ментам средний палец и, давясь смехом, мчится по улице с курортными застройками к тёмному проулку, а Чача тащится за ним. Разворачиваю Костика и толкаю следом за пацанами.

– Надо разделиться, – впопыхах кричит Оскар.

– Согласен! – отвечаю, оборачиваясь. – Вы направо. Мы

с Костяном налево.

– Лады.

– Окей, – кивает Оскар и хлопает Костика по плечу. – До созвона, бро.

– Покеда, – давится рвотой Костик.

– Костян, давай, ещё немного поднажми, – помогаю ему брести по тесному переулку между старыми блочными домами.

– Блин, Макс... вот это я нажрался, – как ишак посмеивается тот. – Дружбанчик мой. Дай я тебя чмокну.

– Фу, отвали, блин! Фууу, Костян!

– Так люблю тебя... дружбанчик.

– Да-да, знаю, – похлопываю по спине.

– СТОЯТЬ!!!

– Да чтоб вас... – щурясь от света ментовского фонарика, толкаю Костика, кричу, чтобы убирался немедленно, потому что ему от предков больше влетит, чем мне и, раскинув руки, с криком индейца во время охоты мчусь к жирбасам в форме.

Удар дубинкой по рёбрам сгибает вдвое. Руки заламывают и в придачу бьют по хребту, так что изо рта вырывается стон: то ли от жгучей боли, то ли от неожиданности.

– Костян! – разворачиваю голову, пытаюсь разогнуться и ещё удерживать этих двух слоняра на месте. – Костян, вали!!! ВАЛИИИ, НУ!!!

Костян, заплетаясь, и подпирая плечами то одну стену до-

ма, то противоположную тащится к выходу из заваленного мусором переулка.

«Да иди же ты, идиот, – кричу про себя. – Схоронись в падике каком-нибудь! Шевели уже конечностями!!!»

– Попались, шпана? – смех над ухом. Толкают на землю, заводят руки за спину.

Один из ментов коленом вжимает в асфальт, другой – в развалку идёт за Костяном.

– Давай бери уже этого мелкого! – орёт ему вслед тот, что держит меня. – Чего еле тащишься?!

– Че-е-е-го? – посылает ему взгляд через плечо. – Малой пьяный в говно. За своим отбросом смотри. Буйный вон какой. – Смотрит на меня, сверкая пороссячьими глазёнками, которые я никогда не забуду, и с усмешкой добавляет. – Хана твоему Костику, пацан. Добегались. – Кивает в узкий переулок на Костяна, и снова на меня: – Птичка в клетке. Усёк?

Визг шин эхом вылетает из переулка – Костик добрался до выхода, который стал для него последним. Следом раздаётся звук глухого удара и женский визг, который я тоже никогда не забуду. Уверен – никогда. Как и окровавленное лицо Костяна, медленно закрывающиеся глаза, и судорожные вдохи сопровождающиеся фонтанчиками крови вырывающимися изо рта.

Мне даже не дали с ним попрощаться.

Пока ехала скорая, меня уже везли в отделение.

Мой лучший друг умер год назад.

В тот день умерло всё, что мы четверо считали важным.

Тот день стал первым в новом календаре моей новой жизни... Но эта история не обо мне. Не о дружбе. И не о Костике, на похороны которого пришёл лишь я один из всей нашей гнилой компашки.

Эта история о сломанных судьбах, о ролях, что мы раздаём, о ножах ударяющих в спины, и о решениях, которые мы имеем право принимать за других.

Эта история о том, как однажды я выбрал не ту жертву для игры, которая была моей мстью, а стала билетом в один конец.

Глава 1

Два этажа.

Сбегаю вниз, быстрой дробью отстукивая подошвами по ступеням лестничной клетки. На ходу набрасываю плащ, шапку – осень в этом году не пощадила даже черноморское побережье: ветра и проливные дожди которую неделю покоя не дают.

Останавливаюсь, одёргивая себя.

Делаю глубокий вдох, избавляясь от головокружения, проверяю на месте ли телефон и продолжаю спуск по лестнице. Размышляю, как скоро должно подействовать жаропонижающее, а ещё о том, как скоро вернётся домой мама и какая степень паники её накроет, когда она увидит, что ни одной из дочерей нет дома в одиннадцать часов вечера. И это нам всем ещё повезло, что отец ушёл на ночную смену.

По правде говоря, я никуда и не собиралась. Но что поделаешь, если твоя родная сестра – сущий дьявол во плоти, которого жизнь ничему не учит, а совестью природа обделила.

Один этаж.

– Аллё. Полина! Полина, я слышу твоё дыхание! И даже если ты пьяна в стельку, заставь свой язык повернуться во рту и просто назови адрес! Полина!

Тишина. Вздох. И лишь на заднем фоне приглушённо играет музыка и слышен девчачий смех.

Чтоб они в пекле горели – их эти вечеринки!

– Ладно. Я позвоню папе на работу. Он сам тебя заберёт.

– Светлакова... – шёпот Полины кажется замогильным, безжизненным. И очень пьяным. Но фамилию главной стервы нашей школы я хорошо расслышала. И, по правде говоря, можно было не терять зря время и без помощи пьяной младшей сестры догадаться, кто ещё из её круга мог закатить шумную вечеринку посреди недели. Наслышана я об этой компашке более чем.

Толкаю подъездную дверь и сходу на кого-то налетаю.

– Простите.

– Без проблем, – раздаётся в ответ мужской голос и, не став оборачиваться, бросаюсь вверх по дороге, туда, где уже ожидает вызванное мною такси.

Косой дождь бьёт в лицо, вынуждает щуриться и шлёпать по лужам едва ли в полусогнутом положении. Порывы, по всей видимости, обиженного жизнью, взбесившегося ближе к ночи ветра, лупят в спину, подгоняют, подталкивают, то ли к жёлтой в чёрную шашечку машине, то ли на встречу с мокрым асфальтом.

«Полина», – крутится в голове.

Гадкая девчонка! Сотни раз клялась мне завязать с этими их якобы пижамными девчачьими посиделками за чашечкой горячего шоколада, которые со скоростью скоростного экспресса перерастают в пьяное развратное пати, с куревом и десятком полуголых парней, каждый из которых, не стесня-

ясь, предлагает пойти потрахаться. Или просит сделать минет. И это не из моего лексикона – это слова Полины, которая посещает подобные скопища только ради: «Я не могу лишиться своей популярности», и на иконе клянётся, что она всё ещё девственница.

Проверять сей сомнительный факт, желания нет. Но вот если однажды она залетит от одного из этих сопливых секси-боев, первой кто получит от родителей по голове, буду я – не Полина. Собственно поэтому сейчас и нахожусь в такси в не самом лучшем физическом состоянии и еду в другую часть города, чтобы вытащить мою любимую и мега популярную в школе сестрёнку с самого дна Ада, как она сама порой называет подобные сборы на квартирах.

Ох... знала бы мама где я сейчас и чем занимаюсь, подела бы на месте.

Светлакова Вероника. А эта разбалованная девчонка – дочь очень богатых влиятельных в нашем небольшом курортном городке родителей, которые зачастую оставляют целый коттедж в её распоряжение, в то время пока мотаются по свету: либо по работе, либо ради отдыха.

Музыка орёт на всю улицу, так что даже дождю не удаётся заглушить её. Возле коттеджа припарковано несколько автомобилей. А сам коттедж и вправду что надо. Красивый. С белым фасадом, закруглёнными балкончиками, статуэтками пузатых ангелочков у парадного входа и огромным бассейном на заднем дворе.

Но вот внутри... Слишком много обнажённых, блестящих от пота торсов пританцовывают в такт ритмичной музыке, чьи владельцы не отлипают от горлышек пивных бутылок. И это, кстати, не только к парням относится – куча пьяных полуголых девчонок.

Протиснувшись в центр гостиной кружусь на месте, прямо, как зеркальный шар под потолком, и пытаюсь отыскать глазами голубые короткостриженные волосы, а под ними, собственно, и недостающие части моей сестры.

– Полину не видел? – с надрывом кричу одному из дрыгающихся в беспамятстве мальчишек. – Полину! Полину Багрянову!

В ответ парень пьяно скалится, посылает в лицо облако вонючего дыма, протягивает потные руки и тащит меня танцевать. Вырываюсь, отталкиваю, продолжаю движение.

Приду домой помоюсь трижды.

– Сейчас будет стриптиз! – кричит кто-то.

– Дайте больше света! Шоу начинается!

– Конкурс на лучшие сиськи-и-и этой вечеринки объявляется о-о-о-открытым! – оглашает блондин с очень знакомым мне лицом, забравшийся на обеденный стол, прилипает к банке с пивом, осушает, сминает в руке и под визги публики бросает в толпу.

Скользну рассеянным взглядом по шеренге пьяненьких сисястых «конкурсанток» за его спиной, к своему облегчению Полины среди них не нахожу и двигаюсь дальше – на

второй этаж. Иду по коридору располагающему несколькими десятками чёрных лакированных дверей. И, как и следовало ожидать, практически за каждой из них занимаются сексом. Традиционным сексом. Грязным сексом. Развратным сексом. Кое-где даже групповым.

– Простите.

– Ой, простите.

– Охох! Простиите-е-е!

– Закрой, мать твою!!!

Да без проблем.

По пути к последней двери молюсь, чтобы не обнаружить за ней Полину в не менее занимательной позе и к своему облегчению, или НЕ к облегчению нахожу её под раковиной: спящую, сжатую в клубочек и... совершенно обнажённую.

Секунда, две, три... пытаюсь прийти в себя. Получаю один невидимый удар по голове за другим, заставляю ноги двигаться и здравости рассудка не уступать место панике.

Дрожащими руками прикрываю за собой дверь, поворачиваю защелку и включаю свет.

Полина приоткрывает один глаз и бормочет что-то нечленораздельное. Лицо мокрое от слёз, характерные чёрные дорожки туши под распухшими глазами не оставляют сомнений – моя сестра рыдала ни один час в то время, когда Я из нас двоих – нытик, а она – «У меня нет времени на все эти сопли, я слишком популярна, так что отвалите». А ещё она младше меня на полтора года. Вот так вот.

По привычке прижимаю ладони к грудной клетке – чувство, будто до боли сжимается. Просто кажется. Уверена – кажется.

Спокойно. Спокойно. Я справлюсь. И не такое видела. Ладно, вру... такое с Полиной впервые. По крайней мере, на моих глазах подобного ещё не было.

Глубоко дышу, пытаюсь отыскать глазами одежду сестры – ничего. Ничего! В ванной даже полотенца не оставили! Не сомневаюсь – какая-то сволочь это намеренно сделала, не иначе. В этой богатой ванной, в которой одна только плитка наверняка стоит, как половина нашей квартиры в хрущевке, нет ни одного даже дохлого полотенца!

– Лиза... – тихое бормотание и такое родное. Хочется обнять, успокоить. Хочется встряхнуть и вlepить пощечину, потребовать немедленных объяснений и пожизненной клятвы, что такого больше не повторится!

Всё, что делаю – присаживаюсь рядом, набрасываю свой плащ на её обнажённое хрупкое тело и притягиваю к себе. Обнимаю, глажу по волосам, позволяю выплакаться мне в грудь.

Моя сестрёнка. Моя глупая, излишне самостоятельная сестрёнка. Сколько раз я ей говорила, сколько раз предупреждала... Компания Светлаковой – дурная компания, с дурными, озабоченными и помешанными на пьянках и сексе людьми. Но разве младшие слушают старших?.. Да никогда! «Я уже взрослая», – вот что они говорят.

«Не учи меня! Ты сама ещё ребёнок»!

«Кто дал тебе право воспитывать меня? Засунь в задницу свои советы»!

– Лиза... – А потом они вот так вот тихонько, убитые горем, рыдают, дрожа всем телом, прижимаясь к груди человека, которого и за родного ещё сегодня утром не считали.

– Прости... – И да. Они просят прощение.

– Прости меня, Лиза... – Сильно просят. А на утро скажут, что такого не было. Но это будет только утром, а пока... – Помоги мне, Лиза...

В общем. Вот с такого вот неудачного момента начинается наше знакомство. Меня зовут Лиза Багрянова и мне семнадцать. И да, сразу о главном – в жизни я совершенно не разбираюсь, не считаю себя излишне умной и не пытаюсь косить под кого-то с айкью под двести. Но могу сказать одно – то, что с нами происходит, хорошее, или плохое – следствие наших же желаний. Нашей зависти, нашей порочности, нашей невоспитанности, или же наоборот – чрезмерного воспитания. Именно так случилось с Полиной: родители всегда были к ней излишне строги, воспитывали едва ли не в военном режиме и вот... вот что получилось. Девочка сломалась и пошла во все тяжкие. А мне, как умной старшей сестре, которой родители в большей степени доверяют и берегут как зеницу ока, приходится покрывать её. Всегда.

– Так. Успокойся, – шепчу я, обращаясь к нам обеим. – Сейчас я вытащу тебя отсюда.

– Не могу... – стонет Полина, прижимаясь ко мне всё сильнее.

– Надо найти тебе штаны.

– Не-е-ет, – вырывается из её груди. – Просто убей меня. Не хочу, чтобы меня видели такой...

– Какой, такой? Подумаешь, напилась, – пытаюсь выдать из себя смешок, в то время когда хочется рвать на себе волосы и биться лбом об одну из этих изящных ножек ванной в античном стиле. – Там все пьяные. Сейчас ещё и на сиськи пялятся. Пойдём. Я помогу тебе встать.

Полину ведёт в сторону, хватается за край раковины, наклоняется и её рвёт прямо на пол, прямо на мои новенькие замшевые сапоги.

«Подумаешь, сапоги, – утешаю себя. – Мелочь какая».

Пытаюсь подумать ещё о чём-нибудь незначительном, как замечаю на полу не только рвоту, кислый запах которой заполнил всё пространство и скрутил желудок в узел. Я замечаю кровь. Алые пятна на белоснежной плитке. Алые пятна на голых ступнях Полины. И тоненькие кривые струйки явно не сейчас вывели узоры на внутренней стороне её бёдер.

– Полина... – шепчу, тело сковывает ужас и понимание того, что здесь произошло молотом сотрясает голову. – Ты...

– Это не важно, – голос сестры внезапно крепчает, она поворачивает кран и судорожными движениями пытается смыть с кожи следы того, что кто-то... а точнее что-то, потому что человеком эту тварь назвать нельзя, лишило мою

сестру девственности на полу этой ванной и оставило здесь одну. Голую. Разбитую. Уничтоженную.

– Кто это сделал? – шепчу, не сводя огромных глаз с крови на её бёдрах. Сжимаю кисти в кулаки и стискиваю зубы, чтобы не допустить ошибки и не наорать на эту идиотку прямо сейчас!

В ответ Полина вновь начинает рыдать. Бросает попытки избавиться от кровавых разводов, вновь оседает на пол и обнимает себя руками.

– Прости меня, – плачет, раскачиваясь из стороны в сторону. – Прости меня, Лиза...

– Простить? За что ты у меня прощение просишь?!

– Прости... за то, что я сделала. Прости...

Боже... Ну вот и слёзы. Привет, что-то вы запозднились.

– Лиза-а-а... Я не хотела... Честно, не хотела.

– Вижу, что не хотела! Но понимаешь это только сейчас, да?.. Кто он?! – спрашиваю жестче, чем собиралась. – Кто, он?! Полина! Кто это сделал?! С каким уродом ты встречалась?!

Вопли Полины становятся громче. Я хватаюсь за голову, стягивая шапочку и начинаю расхаживать из стороны в сторону с опаской ощущая, как температура тела поднимается всё выше.

Что делать? Звонить отцу? Он убьёт её... А если не убьёт, то в лучшем случае изобьёт до полусмерти и сейчас я совершенно не шучу! Наш отец не стесняется поднимать на Поли-

ну руку, потому как считает другие методы воспитания этой девчонки абсолютно безрезультативными.

– Кто это сделал? – замираю на месте, чувствуя в себе небывалый прилив ярости, злости и просто адреналина. И видимо моя повышенная температура уже начала плавить мозг, потому что прямо сейчас я готова самолично отыскать ничтожество, которое сделало ЭТО с Полиной, и задушить собственными руками. И плевать, как это отразится на моём организме!

Мою сестру только что изнасиловали! И я понятия не имею что, блин, делать! Я – подросток! Всего лишь подросток! И да, всех нас учат, что случись с кем-либо нечто подобное нужно немедленно сообщать родителям и в полицию. Вот только те, кто говорят нам это, видимо забывают, что и они сами когда-то были такими же глупыми подростками, у которых даже самые сумасшедшие и ненормальные решения порой могут стать самыми что ни на есть логичными и здоровыми! Спасительными! Взрослым никогда нас не понять... они слишком быстро забывают какого это – не понимать даже самого себя.

Повинуясь некому инстинкту, хватаю рулон туалетной бумаги и начинаю вытирать мокрые от воды и крови ноги Полины, пока та всхлипывает и продолжает бормотать нечто о том, как она виновата, и как сильно она этого не желала...

– Заткнись, пожалуйста, – бормочу, глотая слёзы.

Повторюсь – мне семнадцать! Я не была готова к подоб-

ному!

– Ты будешь ненавидеть меня...

– Дура! – вскакиваю на ноги и направляюсь к двери. – Не хочешь говорить, кто это сделал, не надо, но сейчас я найду тебе штаны, после чего мы обе выйдем за эту дверь и убежёмся с этой уродской вечеринки, ясно?

– Я не знаю, кто это сделал...

– Что?.. В смысле? – Одёргиваю себя. Стоп. С этим можно разобраться позже. – Стой... сиди здесь, поняла?! Я сейчас вернусь!

Полина неуверенно кивает.

– Ясно?!

– Д-да...

– Хорошо, – смягчившись, вздыхаю. – Закрой за мной дверь и умойся. Я постучу четыре раза.

Возвращаюсь на первый этаж в шумную гостиную, тело пробивает ледяная дрожь, в то время когда кожа горит от зашкаливающей температуры, и мозг, судя по всему, уже конкретно плавится, раз направил меня сюда искать одежду. Нет – я планировала найти Веронику Светлакову и плюнуть ей в лицо тем, что в её доме сегодня произошло насилие, а потом поняла – какая же я дура: рассказать об этом Светлаковой то же самое, что объявить об этом по новостям на центральном канале!

Разворачиваюсь обратно, собираясь взбежать по лестнице, бесцеремонно ворваться в одну из спален пропахших

сексом и потом и, наплевав на тех, кто окажется внутри, найти для Полины одежду, но и шага ступить не успеваю, как...

– Отпусти! ОТПУСТИ МЕНЯ! – визжу, брыкаюсь, колочу пятками по ногам того, кто схватил меня в охапку, поднял над полом и куда-то тащит, а толпа благородно расступается нам на встречу и дружно аплодирует!

– У нас ещё одна конкурсантка! – объявляет парень-блондин продавливающий весом стол и протягивает ко мне руку. Силой затаскивает к себе, как бы велико не было моё сопротивление, и прижимает к потному торсу, пока я пытаюсь лихорадочным взглядом отыскать лицо человека, который подхватил меня. Но вижу лишь тёмную отдаляющуюся спину в толпе, которая вновь заполоняет собой проход и сжимается вокруг стола плотным кругом.

– Привти-и-ик, – светит мне в лицо скользкая белозубая улыбка, – готова сиськи показать?

Вырываюсь, пытаюсь прыгнуть со стола, но этот недоумок, кем бы он тут у них ни был, держит слишком крепко. Моё тело не способно дать достойный отпор.

– Да ты потная вся, девочка! – оглашает как можно громче, и толпа сокрушает слух дружным смехом. – Рядом со мной так жарко? Пшшш... смотри-ка, пар прошёл.

Трясу головой, скольжу размытым взглядом по одинаковым физиономиям, пытаюсь найти среди них хоть одну знакомую, будто это способно положить конец беспределу, что творится и прижимаю обе руки к груди, защищаясь, отри-

чая. Ни за что не разденусь перед этой пьяной сворой!

Натыкаюсь взглядом на группу девчонок с обнажённой грудью и ещё успеваю ужаснуться их поразительно довольным улыбкам и блестящим глазам, глядящим на меня с нескрываемой насмешкой, а затем вновь начинаю трясти головой, погружаюсь в панику, тону, всё больше и больше, глубже и глубже... Слишком много людей. Слишком много внимания. Не справляюсь! Не могу!

Крепко зажмуриваюсь до боли в глазных яблоках, делаю глубокий вдох спёртого, горячего воздуха и медленно выдыхаю. Один раз. Два раза.

Грудь щемит, сердце бьётся слишком часто, слишком громко.

«Возьми себя в руки, Лиза! Полина в тебе нуждается! Сейчас!»

Открываю глаза.

– Ну? Как зовут сиськи нашей десятой конкурсантки? – веселится парень рядом, держа меня так крепко, что на теле однозначно останутся синяки. Наклоняется к уху и шепчет: – Просто скажи своё имя, дура. Чего застыла?

Чего застыла?..

Смотрю на него во все глаза и просто верить отказываюсь, что всё это происходит со мной! СО МНОЙ!

Всего час назад я сидела на кухне своей квартиры и пила чай! Что всего час назад и понятия не имела, что мою младшую сестру изнасиловали! А теперь... теперь я здесь и

должна сказать этому пьяному придурку, каким именем он может представить мою грудь всем этим... Боже... я даже не знаю, как их назвать. Я далека от этого. Слишком далека. ЭТО – не моя стихия. Я хочу мою кухню, мой чай и книгу с каким-нибудь лёгким романчиком, а не ЭТО!

«Полина», – свистит в голове.

– Она походу немая! – орёт кто-то остроумный из толпы и поливает меня чем-то из пластиковой бутылки. Толпа галдит и улюлюкает, кто-то звонко переговаривается на тему того, какая убогая десятая конкурсантка им попалась, кто-то смотрит предвзято, кто-то смотрит как на кусок дерьма, а кто-то...

– Вероника, – срывается с моих губ жалобно. – Вероника!

Моя бывшая и теперь уже снова нынешняя одноклассница в коротком тёмном платье, с длинными чёрными волосами и холодным, но красивым лицом в Голливудском стиле, стоит у дальней стены и смотрит на меня без какого-либо выражения на лице. Смотрит, как на вещь, на которую случайно упал взгляд во время задумчивости.

– Сись-ки!

– Сись-ки!

– СИСЬ-КИИИ! – скандирует толпа.

Дышать всё тяжелее, голова кругом: от жары, от запахов, от паники. Грудь горит всё сильнее, пальцы онемели – так сильно сжимают кофту в кулаках.

– Ну? – подталкивает парень сбоку, многозначительно иг-

рая бровями. – Народ ждёт!

– Я не могу, – трясую головой будто в лихорадке. – Не буду.

– Не будешь? – усмехается и обращается к толпе: – Слышали?! Она не будет!

– Тогда чего на стол залезла?! – возмущению толпы нет предела. – Вали оттуда, уродина!

– Да вали!

– Пошла вон!

– О, неееет, – глумливо протягивает парень рядом со мной и играет бровями. – Поднялась, значит раздевайся. Поднялась, давай, показывай своих малышей.

Тяжело сглатываю, понимая, что кислород остаётся всё меньше пространства для попадания в лёгкие – так сильно сжимается горло. Всё сильнее стискиваю в кулаках кофту на груди, так что фаланги огнём горят от боли.

– Всё так плохо? – парень смотрит оценивающе и кивает на мою грудь. – Да ладно тебе, не жмись, здесь все свои. Уже... свои.

– Я не играю в ваши игры, – цежу сквозь зубы и сама удивляюсь уверенности в голосе, потому что совершенно её не чувствую.

Парень наклоняется ближе, сверкая пьяными светлыми глазами, будто дымкой окутанными и шепчет в самое ухо:

– Ошибаешься, лапуля, ты уже в игре.

Отталкиваю его от себя, ударяю в грудь, но парень хоть и пьян, оказывается проворным: ни секунды не медля, обхва-

тывает меня сзади, прижимает спиной к своей груди и сцепляет ладони в замок.

– Это насилие! – кричу, теряя остатки самообладания, дышу тяжело и часто, грудь горит огнём, толпа перед глазами раскачивается, как на волнах.

– Разве я делаю тебе больно? – жестокий смех над ухом.

– Да! Отпусти... Отпусти меня! – Удивительно, но нет, я не рыдаю, хоть и очень сильно хочу... Я злюсь, я в ярости и я... я напугана. Очень.

Толпа продолжает требовать зрелища, слышу, как полуголые девчонки за спиной недовольно щебечут, требуя переходить уже к сути этого убогого конкурса, а я... внезапно замираю, остановившись взглядом на лице одного единственного парня в этом доме, которому, судя по всему, до сисек, как и до меня, нет никакого дела.

И я узнаю его.

Максим Яроцкий. Одинокая фигура подпирающая дальнюю стену выглядит пугающе, неестественно для подобного скопища, отстранённо, слишком спокойно для парня, который ещё год назад был главным активистом класса, весельчаком, иногда бунтарём, но тем самым универсальным человеком, к которому невозможно было относиться плохо, что бы он ни делал. Даже учителя его любили. Вся школа любила Макса Яроцкого за простоту, за непосредственность, за отзывчивость, за улыбку, которая любого могла очаровать. Он был центром школы. Хорошим, добрым центром. Спор-

тивным парнем, не с самыми лучшими оценками по точным наукам, да и с посещаемостью не особо ладил, но это не отменяло его человеческих качеств и это знали все.

Со своими заморочками и нелепостями, попаданиями в плохие ситуации, но хорошая сторона этого парня всегда преобладала, всегда перевешивала, и даже я относилась к нему с особой теплотой...

И вот он здесь. Тот самый Максим Яроцкий и... будто не он.

Не видела его чуть больше года, а с трудом узнала. И дело не в темноте, не в накуренном помещении, дело в его осанке, во взгляде, в холодности его лица... В том, в каком беспорядке находятся его тёмные волосы, будто лёг спать с мокрой головой и это – лучшая в мире наплевательская укладка; от короткого ёжика и напоминания не осталось. Как и не осталось ничего от блеска в зелёных глазах, от мальчишеского озорства на загорелом лице, от расправленных плеч. Этот Макс постарел лет на десять, его плечи осунулись, руки запущены глубоко в карманы чёрных джинсов, а брови тяжело сведены к переносице, так, будто там их законное место.

Понятия не имею кто этот парень теперь. Как и он, скорее всего, понятия не имеет, кто та девчонка, которую дружно просят показать сиськи. Мы учились в параллельных классах, он мог даже имени моего не знать. Вряд ли вообще кто-то вроде него помнит моё имя спустя год отсутствия в школе.

Встряхивает головой, отбрасывая с глаз непослушные ло-

коны и, будто целую вечность, переводит взгляд на меня.

Сердце совершает тройное сальто и скачет галопом.

«Ну же! Вспомнит! Вспомнит меня! Узнает! Поможет! Не останется в стороне! Макс Яроцкий не бросает в беде тех, кто нуждается в помощи!»

Тот Макс не бросил бы!

Но человеку, что сейчас с холодным равнодушием смотрит мне в глаза всё равно.

Смотрит с несколько секунд и...

– Максим! – кричу. Боже! Зачем кричу?! – Максиииим! Маааакс!!!

Замирает. Смотрит, хмурясь, будто вспоминая, какая передача шла сегодня по телеку за завтраком.

– Лапуль, ты это кому? – спина дрожит от отрывистого смеха блондина позади. – Яроцкому, что ли?

– МАААКС! – Просто кричу его имя. Как дура последняя! Знает ведь, что прошу о помощи. Знает, чёрт, и ничего не делает! Просто смотрит!

– Да забей, – смеётся блондин. – Пофиг ему. Он сам тебя сюда затащил.

Застываю, не верящими глазами смотря в бледное лицо Макса, и отказываюсь в это верить. Он не мог. Только не тот парень, которого любила и уважала вся школа. Только не он...

– Хватит, – решительный женский голос доносится снизу. – Хватит, я сказала, – повторяет Вероника Светлакова,

глядя на блондина позади меня всё тем же холодным, не заинтересованным взглядом раскосых голубых глаз и я невольно отмечаю про себя, что с последней нашей встречи она стала ещё красивее. Неспроста Полина, да и другие девчонки считают Светлакову едва ли не королевой школы.

– Отпусти её.

– Верон, свали, а? Чё надо? – цоканье над ухом, руки продолжают держать крепко.

– Отпусти её, я сказала! – гремит голос Вероники так, что даже толпа притихает. – Ты знаешь правила, Оскар, – голубые глаза угрожающе сужаются, и чувствую, как хватка парня ослабевает, даруя мне возможность вдохнуть глубже.

Оскар?..

Слышала я об одном Оскаре из бывшей компании Макса Яроцкого. Вот почему лицо показалось знакомым... Тот самый Оскар – один из четырёх друзей, как их называли. Хулиган, уже не школьник, девятнадцатилетний раздолбай одним словом.

– Прыгай, – Вероника протягивает мне руку, с видом, будто вселенское одолжение делает, но я и за него благодарна: толкаю напоследок освободившего меня Оскара, так что тот едва со стола не падает, и спускаюсь на пол под недовольные крики и свист толпы.

– Шоу продолжается, детки! – Оскар не теряется. – У нас всё ещё есть девять отменных пар сисек! Эй, девчонки...

– Пошли, – Вероника тянет за руку, ведя меня через тол-

пу, которая охотно расступается перед владелицей дома, ну а я... я всё ещё крепко обнимаю себя руками, наполняю лёгкие кислородом, чтобы нейтрализовать звоночки возможной потери сознания, к которой не привыкать.

Смотрю на виляющую задницу Вероники, пока она ведёт меня вверх по лестнице, и только оказавшись на площадке второго этажа понимаю, куда смотрела. Чувствую себя в ступоре от того, что произошло со мной, и в полнейшей потерянности из-за того, что случилось с Полиной.

Полина...

– Мне нужна твоя одежда, – хватаю Веронику за локоть и махом разворачиваю к себе, наблюдая, как подведённые чёрным бровки будто бы в удивлении приподнимаются на несколько скупых миллиметров.

– В смысле, – отступаю на шаг назад, – не конкретно та, что на тебе, а та, что... в... – выдыхаю, – в общем, мне нужна любая другая одежда.

Секунда. Две. Пять минут, или десять... теряю счёт времени, пока холодные, как родниковая вода, и голубые, как летнее небо, глаза пронзают насквозь.

Сглатываю. Обнимаю себя крепче и решительно подхожу к Веронике.

– Мне нужна одежда, – повторяю требовательно и по какой-то несусветной глупости шморгаю носом. – Сейчас!

Аккуратные, в меру пухлые губы Вероники выкрашенные в матово-красный касается лёгкая, бездушная, как она сама,

улыбка, и мой взгляд почему-то застывает на маленькой родинке на кончике заострённого подбородка.

– Никакой благодарности. – Голос с низким завлекающим тембром идеально подходит её внешности. Если бы не знала, сколько ей лет, спокойно дала бы больше двадцати.

Тонкие руки изящными движениями складываются на аккуратной груди, звеня тонкими серебристыми браслетами, серёжки-капельки раскачиваются из стороны в сторону, а острые каблучки несколько раз отстукивают по паркету, когда к моей большой неожиданности Вероника делает два шага вперёд и оказывается в нескольких сантиметрах от моего лица. Смотрит сверху вниз с высоты модельного роста, а взглядом так и копается в душе, ищет что-то, выворачивает наизнанку.

– Давно не виделись, да? – голос обволакивает, хочется растереть кожу руками.

– Не так уж и давно.

– Больше года назад, – напоминает, выгибая бровь. – Где же ты была столько времени, Багрянова, м?

– Ты знаешь где, – смотрю в упор, даже не моргаю, а колени дрожат предательски, и на то есть причина. – Все знают.

– За границей? – усмехается. – Ну и как там?

– Одежду. Дай. И я пошла. – Боковым зрением отмечаю, что дверь ванной комнаты закрыта, в коридоре, кроме нас со Светлаковой, никого нет.

– И это вся твоя благодарность за избавление от Оскара, Багрянова? – цинично хмыкает, закатывая подведённые чёрным глаза. – Ни капли не изменилась.

«А ты вот о-о-очень.»

Смотрю настойчиво. Я может, была бы и не против «пообщаться» спустя год «разлуки» и всё такое, но ситуация крайне неподходящая. Прямо вообще неподходящая после всего, что случилось. Мне нужна Полина! И мне нужно домой! Срочно!

Мобильный в кармане вибрирует – а вот и мама вернулась. Отвечать не стану, больше, чем положено, всё равно не получу.

– Одежду, одолжи, пожалуйста, – чеканю по слову и как можно вежливей.

И вновь паузу выдерживает, стоит так близко, что запах сладких духов так и умоляет смачно чихнуть.

Хмыкает, перебрасывает за спину блестящие чёрные волосы и удаляется в одну из комнат. Возвращается со стопкой чистой, выглаженной одежды и вручает мне.

– И... даже не спросишь, зачем она мне? – ищу подвох.

– Нет, – улыбаясь, пожимает плечам. – Нужна, раз просишь.

– Вот так просто, да? – спрашиваю уже у отдаляющейся спины и слышу в ответ одинокий холодный смешок и короткую фразу:

– В кармане рубашки.

Понятия не имею, что это значило. Ненормальная какая-то.

Ужедвигаюсь к ванной комнате, в которой оставила Полину и вытаскиваю из кармана шелковой рубашки маленькую картонку, похожую на открытку, которые зачастую прилагают к букетам с цветами. Останавливаюсь напротив двери в ванную и несколько секунд непонимающим взглядом сверлю глянцевую картонку размером в половину ладони с изображением красивой высокой клетки с тонкими золотистыми прутьями и замком на закрытой дверке. В клетке на жёрдочке сидит маленькая птичка с тонким длинным клювом и пёстрым окрасом: ярко-бирюзовая грудка, нежно-салатовая спинка, а кончики крыльев окрашены в розовый. Колибри – вот, что это за птичка. И я не понимаю, что всё это значит.

Открываю открытку и читаю всего одно написанное внутри слово:

«Попалась?»

Глава 2

Город просыпается. Острая линия белеющего горизонта раскалывает небо, искажает его, открывает дверь для солнца. Только солнца не будет. Как и вчера, как и позавчера, его сожрут тучи, поглотят целиком и припорошат мокрым снегом, спрячут от тех, кто в нём нуждается. Сегодня... у солнца нет шансов выжить и это даёт ему полное право ненавидеть осень. Как ненавижу её я.

Листва давно «отжелтела» своё, «откраснела» и отжила. Теперь преет, гниёт, мешается под ногами, липнет к подошвам ботинок. Чем она лучше мусора? Такого же бесполезного и вонючего?..

Ненавижу запах осени.

Ненавижу встречать рассветы так, как это происходит сейчас, но всё равно продолжаю это делать. Раз за разом, вот так, сидя на крыше девятиэтажки, как прикованный; будто от гнетущего чувства одиночества легче становится. Будто кайфую от того, во что превратилась моя жизнь.

Иногда кайфую, как чокнутый мазохист. А иногда... как сейчас например, не чувствую абсолютно ничего.

– Ты становишься предсказуемым, Макс. Всегда знаю, где тебя искать.

А ещё терпеть не могу, когда вторгаются в моё личное

пространство.

– Вечеринка закончилась. Всё прошло удачно.

– Как и всегда, – не сжову взгляда с белеющего горизонта и позволяю пальцам Вероники копаться у меня в волосах.

– Ты не доволен? – голос даже удивлённо не звучит, диалог завязать пытается.

– Макс? Ну поговори со мной. Куда ты?!

– Спать, – отвечаю, не оборачиваясь.

– Можем поспать вместе?.. Ма-а-кс!

– Не сегодня. Я устал. – Открываю стальную дверь выхода и бросаю на Веронику короткий взгляд. Красивая, как кукла фарфоровая. Делает всё, что я хочу – это и нравится в ней больше всего.

– Почему она? – кричит вдогонку. Утомляет. – Сначала одна Багрянова, теперь вторая. Ты помешался на этой семейке, или что? Объясни.

– А должен? – смеряю Веронику тяжёлым взглядом.

Смотрит, будто обижено. Сейчас цокнет.

Цокает.

Сейчас волосы за ухо заправит.

Заправляет.

Сейчас руки на груди сложит.

Разумеется. Предсказуема, как и всегда. Идеальна, как всегда: в тонком чёрном плащике, с идеальным макияжем, с идеальной жизнью, с идеальным представлением обо мне, твою мать.

Рассмеяться хочется.

– Она год была за границей, вроде как на оздоровлении. Кто-то говорит с психикой проблемы, кто-то, что с головой, кто-то вообще не верит в эти сказки, – шагает ко мне, стуча каблуками. – Только вернуться успела, а ты сразу в неё вцепился. Вот мне и интересно, Макс, в этой Лизе есть что-то особенное? Что-то чего я не знаю? Что вообще в этих Багряновых такого?

Молчу с минуту. Устал отвечать. Устал слушать одни и те же вопросы, устал повторять что такие, как Вероника – судьи. Их задача – подсчитывать очки, контролировать новую «птичку», глаз с неё не спускать, подталкивать. Если надо внедряться в доверие, если надо лить дерьмо в уши.

Они достали задавать вопросы!

И вот главный из них:

– По какому принципу идёт отбор?

Достаю из помятой пачки «Winston» сигарету, подкуриваю, отхожу к ограждению, делаю глубокую затяжку и смотрю, как вдали едва различимо плещутся волны. С этой точки море плохо видно, многоэтажками застроена вся центральная часть города, и эта – одна из немногих, которая ещё позволяет понаблюдать, как на рассвете первые лучи солнца плещутся в морской воде, собственно, поэтому и прихожу сюда практически каждое утро. Прибываю себя к этому месту. Чтобы побыть одному. Чтобы ни о чём не думать. Или наоборот – чтобы думать слишком много. Отключаю теле-

фон и пытаюсь забыть, кто я есть и во что превратилась моя жизнь. Во что я сам её превратил.

– Макс?

И обычно у меня здесь нет гостей.

– Максим!

Я не звал её сюда.

– Возвращайся домой, – бросаю не глядя, после очередной затыжки и сплёвываю вниз.

– Макс, – рука Вероники падает мне на плечо и это не то, о чём я просил. – Мы на твоей стороне, ты же знаешь. Просто кое-кому нужны ответы.

– Тебе? – холодно улыбаясь, смотрю в бездонные голубые глаза и практически вижу в них своё отражение. Всегда нравились её глаза. – Оскару? Кому ещё?

Приближается ко мне, обвиваясь руками вокруг торса, пробегается ногтями вдоль позвоночника, приподнимает голову и тянется к моим губам:

– Ты выбираешь «птичек», – шепчет, прижимаясь ко мне грудью. – Ты выбираешь кураторов. Ты выбираешь и одобряешь задания. Ты выбираешь следующую жертву... Макс, – проводит языком по моей нижней губе и мой рот приоткрывается, а рука на автомате ложится на её затылок, сжимает волосы в кулаке, и я вижу, как в глазах Вероники вспыхивают огоньки желания.

«Почему бы и нет?» – думаю, обхватывая её второй рукой за талию, и накрываю рот своим.

– Ты всегда так делаешь, – сопротивляться пытается.

– Да, – вновь прижимаюсь к её губам. – Потому что это лучший способ заткнуть тебя.

– Мы не договорили, – больше не звучит уверенно, – подожди... Макс... подожди... Я хочу... я хочу быть куратором Багряновой.

Отлипаю от её губ и усмехаюсь:

– Жаль расстраивать тебя, но это место уже забито.

Глава 3

Не знаю, который по счёту час меряю шагами пятнадцать квадратных метров нашей с Полиной комнаты. Считаю серебряные звёзды на синих обоях, сбиваюсь, начинаю считать заново. Не помню, сколько часов спала этой ночью, да и спала ли вообще. Зато точно помню, что выпила успокоительных на две таблетки больше, чем можно было – подсчёт лекарств за последний год стал той привычкой, которая фиксируется на корочке мозга уже на автомате, вбивается в память.

Не нужно было пить больше необходимого – теперь ещё сильнее спать хочется, но не могу себе этого позволить, когда моя глупая сестра вот-вот проснётся и начнёт собираться в школу; и она начнёт – уверена. А я места себе не нахожу и понятия не имею, как уговорить себя её туда пустить. Как начать разговор, да и стоит ли. Как вообще продолжать жить, делая вид, что всё в порядке вещей и ничего ужасного не случилось.

Останавливаюсь у трюмо, упираюсь ладонями в столешницу заваленную грудой косметики и с минуту-другую, как зомбированная смотрю на своё бледное отражение. На осунувшееся лицо, серые мешки под глазами на несколько тонов темнее цвета радужки, а белки будто кровью налитые,

веки тяжёлые, распухшие – совсем забыла, что ревела вчера в три ручья, после того как Полина уснула.

Выдохнуть. Выпрямиться. Пригладить растрёпанные волосы, а лучше собрать в хвост, чтобы не раздражали, и натянуть на лицо максимально спокойное выражение.

Просто?

Вообще нет.

– Лиза? – хриплый шёпот Полины заставляет вздрогнуть. Привстала на локте, смотрит сквозь глаза-щелочки.

Ну вот. Пора вновь становится умной старшей сестрой, а не тряпкой.

– Завесь шторы, глаза болят, – протягивает сипло и с головой уходит под одеяло.

– Утро уже, – говорю лже-беспечно. – Мама придёт через минут тридцать. Отец примерно через час. И ты... ты знаешь, что тебя не должно быть дома, или...

– Или будет куча вопросов, – доносится из-под одеяла. – Паника, клиники, анализы, наркологи, да?

– Какой из тебя наркоман? Не говори ерунды, – пытаюсь усмехнуться, присаживаюсь на край кровати, обводя спальную рассеянным взглядом, ища, за что уцепиться и цепляюсь им за серый, давно полинявший ковёр.

– Нет, наркота – отстой. Но предки точно проверить захотят. А батя ещё просто ради профилактики по башке даст. Мне.

– Полина...

– Ой, не начинай, а? – отбрасывает одеяло в сторону и удивительно быстро вскакивает с кровати.

– Полина, – иду следом за ней в ванную, – ты знаешь, что нам надо поговорить. Тебе не избежать этого разговора.

– Почему? Потому что ты сдашь меня? – сбрасывает на пол нижнее бельё и поворачивает кран с горячей водой. Выкрашенные в голубой цвет волосы ёжиком топорщатся на затылке, лицо отликает землистым оттенком, а взгляд, очевидно, избегает встречи с моим.

– Нам повезло, что мама осталась ночевать у тёти Аллы, – подпираю плечом дверной косяк и складываю руки на груди, унимая дрожь. – Она вчера пять раз звонила и уже была на пороге квартиры тёти Аллы, когда я вовремя ей перезвонила.

– Зачем мне это слушать? Дай помыться, а? Так и будешь торчать здесь?

Ну а я о чём говорила?..

Вот оно – утро. Кто-то вчера рыдал мне в грудь и просил о помощи?.. Не-е-ет, не было такого!

– Ладно, – прикрываю за собой дверь, но не до конца, бросаю мимолётный взгляд на станки у раковины, упрекаю себя за дурные мысли и шагаю на кухню.

Вновь зарядил дождь и барабанит по стеклу, ветер гнёт деревья к земле, а море наверняка бушует. Так и стою у окна, сжимая в кулаке красную занавеску в белый горошек, и слушаю шум воды из ванной до тех пор, пока он не стихает.

Подхожу к холодильнику. Отрываю. Закрываю. Вновь открываю, достаю две банки клубничного йогурта и ставлю на стол. Включаю конфорку, ставлю чайник и считаю про себя пока не засвистит.

– Я не буду есть. – Полина появляется в кухне одетая в то, в чём обычно дома не ходит. – Сделай кофе. *Пожалуйста.*

– Хорошо, – отвечаю спустя паузу и пока вожусь с кофе, искоса поглядываю на сестру.

Офигенное чувство: один подросток пытается быть психологом для другого. Психологом, которому самому психолог не помешал бы.

Ставлю перед Полиной кружку с кофе, придвигаю сахарницу и забиваюсь в самый уголок кухонного диванчика.

– Ты идёшь в школу?

– Да я иду в школу! – выпаливает с вызовом, будто я уже ей запрет выдала.

Делает глоток из кружки, проводит ладонями по влажным волосам, складывает руки на столе и наконец, встречается со мной взглядом.

– Слушай... Лиза, – облизывает губы и замолкает.

Смотрю на неё, будто вижу впервые. Будто ещё вчера утром у меня была другая сестра, а теперь её заменила совершенно другая девушка. Разглядываю тонкие черты лица, курносый нос, как у мамы и аккуратные губки бантиком. Для чего-то подсчитываю количество серёжек в её ушах, включая проколотые хрящики и в общей сложности заключаю, что

их восемь, девятой не хватает. Замираю взглядом на колечке в носу и ловлю себя на мысли, что очень хочется за него дёрнуть, просто от злости, но, разумеется, никогда этого не сделаю. Отмечаю, что сегодня на Полине никакой пёстрой одежды, наоборот, чёрные джинсы, тёмно-синяя толстовка с рисунком обезьяны лопающей жевательный пузырь, а на ногах уже зашнурованы кеды.

И даже не накрасилась ещё. Обычно ради этого дела моя сестра просыпается раньше остальных.

– Я иду в школу, – говорит, глядя на меня твёрдо, – и если что-то против имеешь, можешь оставить при себе.

– Вот как, – горько усмехаюсь, – то есть вчера ты...

– Я не хочу об этом говорить.

– Полин, вчера ты...

– Я не хочу говорить об этом, сказала же! – кричит, вскакивает на ноги, так что табурет заваливается на бок и смотрит злобно, поджимая губы.

– А я хочу, – отвечаю спокойно. – Хочу. Давай, Полина, мама будет дома очень скоро, и если не хочешь, чтобы и она подключилась к нашему разговору, советую тебе начинать говорить прямо сейчас.

– Сдашь меня? – злобно щурит глаза.

– Сдам? – вновь усмехаюсь, поднимаясь с дивана. Пожимаю плечами. – Почему бы и нет? Расскажу где и с кем ты вчера пропадала! Расскажу, сколько выпила! Расскажу, что какой-то урод трахнул тебя на полу ванной дома Светлако-

вых, а ты, Полина, делаешь вид, что ничего не произошло! Вообще ничего!

– А что ещё мне делать?! – пинает кедом табурет и тот отлетает в стену. Приближается ко мне и яростно шипит в лицо: – Ну? Скажи мне, умная, старшая сестра, что бы ты делала на моём месте? А-а-а-а... подожди, ну да, знаю: такая как ты никогда бы не оказалась на моём месте! О чём это я тут распинаясь?!

– Стой, – хватаю её за локоть и разворачиваю к себе. Пытаюсь подобрать нужные слова, которые попросту закончились, остались только злость, отчаяние, обида! – Я помочь хочу!

– Так помоги: просто заткнись, Лиза – очень поможешь! Забудь, всё что видела. Дай мне жить дальше! Ничего не произошло, ясно?!

– Во что ты ввязалась?! – не отпускаю. – За что прощение у меня просила?

Выдёргивает руку, сжимает кулаки и смотрит на меня, как на заклятого врага, чёрт бы побрал эту Полину!

– Во что?! – и сама на крик срываюсь, слёзы душат.

– Не твоё дело.

– А чьё тогда? – хватаю её за плечи, заставляя смотреть мне в глаза. – Кому ещё ты можешь довериться, если не мне? Веронике?... Пф... ей плевать на тебя! Ты же знаешь: я не сдам тебя родителям, но я должна знать, Полина! Я хочу и имею право, после всего, что вчера видела, знать, что про-

исходит с моей сестрой! Я волнуюсь за тебя, дура! Просто скажи, во что ты вляпалась!

– Успокойся...

– Да я с ума схожу!

– Успокойся, Лиза!

Замолкаю. Не помню, когда в последний раз позволяла себе подобное. Я даже кричать забыла что такое.

– Ты таблетки пила? – ну вот и морщинка беспокойства между бровями Полины нарисовалась. Здоровье моё её всё ещё волнует, в отличие от мозга, который вот-вот взорвётся!

Успокаиваюсь, упираюсь спиной в дверку холодильника, сбрасывая на пол несколько магнитиков, и смотрю себе под ноги, выравнивая дыхание.

– Лиза?

– Пила, – отвечаю на заданный вопрос. – Знаешь же, что пила.

Молчит.

Слишком долго молчит. Слышу, как тикает секундная стрелка в настенных часах-вишенках. Слышу, как дождь бросает в стекло острые струи. Слышу, как барабанит в груди сердце и кровью обливается за эту идиотку.

– Это игра, – говорит наконец, со вздохом поражения опускаясь на другой табурет. – Игра, в которой я участвовала. Довольна?

Сложно понять, насколько здраво сейчас говорит моя сестра.

– Они организовали тайную игру. Выбирают себе жертву для прохождения пяти испытаний, каждое из которых контролируют судьи и решают насколько хорошо ты выполнила задание. А если... – встаёт, обнимает себя руками и подходит к окну, – если их что-то не устроило, то тур повторяется заново, с другим заданием, пока ты не оправдаешь надежды судей.

– Стой... – трясущей головой и неуверенно посмеиваясь. – О чём ты говоришь? Что это за бред, Полина?

– Теперь понимаешь, почему я не хотела тебе ничего рассказывать? – круто разворачивается ко мне, кривя губы в болезненной улыбке. – Разве такой, как ты понять?

– Я просто... – подхожу ближе, тщательно фильтруя слова. – То есть... ты хочешь сказать, что кто-то втянул тебя в какую-то безумную игру, где ты должна была выполнять чьи-то безумные команды?

– Выполнять задания – так это называется. Проболтаешься кому-нибудь, нажалуешься, сдашься, откажешься играть, сбежишь – заплатишься за это. Пройдёшь всё до конца – тебя оставят в покое и выполнят одно желание, любое, включая денежное. Игра тайная. Никто кроме организаторов и тех, кто её проходит о ней не знает. Да и знать не должен, это тайна. И как я уже сказала: развяжешь язык – тебе конец.

И тут я к своему ужасу понимаю, что в её голосе нет и капли иронии, насмешки или чего-то такого, что мне бы сейчас очень хотелось услышать. Моя сестра предельно серьёзна!

Вот же чёрт...

– Так. Подожди, – напрягаю извилины, хмуро глядя в её расслабленное лицо. – И... как давно...

– Месяц, – перебивает. – Мои пять туров длились месяц.

– И ты всё это время молчала?

– А должна была тебе, что ли сказать?

– Тогда почему сейчас сказала?

– Потому что всё уже закончилось!

– То есть теперь можно? – Трясу головой. Не хочу в это верить. Вспоминаю, как две недели назад отец забирал Полину из отделения полиции, и всеми силами избавляюсь от мысли, что те удары, которые она получила от папы, были получены из-за участия в какой-то там сумасшедшей игре.

– Кто... кто... – Слова не подбираются.

– Не могу сказать.

– Так ты знаешь?!

– Нет, то есть... да. И да, и нет. Блин, Лиза, всё сложно!

– Ага... – начинаю говорить сама с собой, делаю круг вокруг стола и вновь замираю напротив Полины. – Я правильно понимаю, что изнасилование было частью игры?

Лицо Полины заливают краской; не стыда – ярости и чего-то ещё... понять не могу чего именно.

– Так ты согласилась на это?! – кричу. Поверить не могу! Готова рвать на себе волосы. Готова рвать волосы на голове этой дуры! – Так тебя не насиловали?! Полина!

– Я не хотела, – отвечает подавленно и отворачивается к

окну. – Но уже было поздно, когда я начала сопротивляться и кричать, чтобы он отвалил от меня.

– КТО?!

– Не знаю я! Не видела его! Темно было! Просто... какой-то парень, которого выбрал куратор.

– Куратор... – киваю, будто понимаю хоть что-то. – Ты участвовала в какой-то нездоровой игре, выполняла задания, и даже позволила какому-то подонку лишить тебя девственности, а кто-то в конец отшибленный при всём при этом курировал тебя?

– Да, – отвечает, как ни в чём не бывало.

– Кто он?

– Не могу сказать.

– Почему не можешь? После всего, что уже сказала?

– Ты можешь знать про игру, но не про её руководителей и судей.

– Подожди, – с силой массирую висок, – если больше никто не знает про эту игру, получается... тебя изна... с тобой... это сделал один из судей?

Молчит.

– Кто был этим твоим куратором? Полина!

– Да ты заколебала! Ты мне в мамочки записалась, или что? Я не могу сказать, не доходит?!

– Да почему?!

– Потому что я не такая дура, чтобы сдавать человека, который может уничтожить мою жизнь одним щелчком паль-

цев!

– Да о чём ты говоришь?! Кто на это способен? – Вновь останавливаю её на выходе из кухни.

– Отойди. Мне нужно накраситься.

– Полина, мы не договорили.

Закатывает глаза:

– Да не о чем больше.

– Ладно, – мрачно усмехаюсь, – а что если я прямо сейчас пойду к директору школы и расскажу ему обо всём, что происходит за его спиной?

– Ты не сделаешь этого.

Иду по её пятам в спальную:

– Почему не сделаю? Очень даже сделаю!

Полина опускается на стул перед зеркалом, хватается тушь и принимается красить ресницы.

– Ответь мне, – выхватываю тушь у неё из рук и слушаю недовольное рычание. – Что значит «сдашь и тебе конец»?

– А то! – вопит на всю комнату. – У них есть компромат на каждую птичку, ясно?! И пока я не закончу эту сраную школу, не позволю, чтобы его обнародовали, поняла?! Я лучше с собой покончу, чем перед всеми опозорюсь!

Забирает у меня тушь и возвращается к подкрашиванию ресниц, пока я стою столбом и тупым взглядом смотрю на её отражение.

– Какими были первые четыре испытания? – спрашиваю практически беззвучно.

– Этот вопрос тоже под запретом.

– А какие не под запретом?

– Больше я тебе ничего не скажу, – хватает чёрные тени и превращает себя в панду.

– А как же желание? – хмурюсь, качая головой. – Загадала уже?

– Нет ещё.

– И тебе... тебе плевать, что стало ценой для него?

Смотрит на меня через зеркало:

– Теперь-то что? Что было, то было.

– Вот так просто?

– Да, Лиза. А теперь отвали, ладно? – Поднимается со стула, забрасывает на плечи рюкзак и идёт к двери.

– Ты что-то не договариваешь! – восклицаю ей вдогонку. – Я же вижу!

Останавливается, вздыхает, и бросает на меня безутешный взгляд:

– Я видела.

– Что ты видела? – подступаю ближе.

– Это, – Полина кивает на тумбочку у моей кровати, и я далеко не сразу понимаю, о чём речь. – Твой приглашительный. Поэтому я и рассказала тебе об игре.

– Какой ещё... – подбираю с тумбочки единственное, что может подходить под это определение и протягиваю Полине маленькую открытку с изображением колибри в клетке. – Ты об этом?

– Да, – смотрит на неё с отвращением. – Это твой пригласительный. Ты следующая, Лиза. – И в этот раз её голос ломается, а в уголках глаз скапливаются слёзы. – Не возвращайся в школу, – слышу, как пытается контролировать дрожащий голос. – Просто не возвращайся в эту долбаную школу!

Это слишком.

Я в ступоре. Меня замкнуло. Не знаю, что сказать.

– Ну! Чего молчишь?! – подаётся вперёд. – Просто скажи, что не вернёшься в школу! Они найдут тебя! К тебе приставят куратора, Лиза! Тебе не избежать этого! Никто ещё не избежал!

– Что... что насчёт компромата? – не знаю, почему спрашиваю об этом, потому как всё ещё не верю в происходящее.

Полина тяжело сглатывает, кусает губу и с горечью выдаёт:

– Если они вручили тебе пригласительный... компромат на тебя уже готов.

– Девочки! Я дома! – щелчок входной двери, как молотком по голове ударяет, и я сминаю в руке кусок картонки с изображением клетки, будто на нём одном всю злость сорвать пытаюсь.

– Просто не приходи в школу, – шепчет Полина умоляюще, натягивает на лицо улыбку и выходит к маме в коридор. – Привет. И пока.

– Уже в школу?

– Да.

– Что с глазами? Ты плакала?

– Да. Лиза сожрала мой йогурт. Как тётя Алла?

– Как обычно. Никак, – вздыхает.

Слышу, как мама ворчит что-то насчёт яркого макияжа, и вот-вот ожидаю увидеть дыру, которую сверлю взглядом в стене, но она почему-то не появляется.

– Ма-а-а-м? – И слышу себя будто со стороны. – А когда мне в школу можно возвращаться?

– Через две недели, – голос мамы звучит удивленно, и её высокая фигура появляется в дверях. – Мы только вчера это обсуждали. Забыла? – беззаботно усмехается и резко напрягается в лице, когда я перевожу на неё задумчиво-решительный взгляд. Рассматриваю тоненькие морщинки в уголках серых, таких же, как у меня, глаз, наспех собранные в пучок светлые, как у меня волосы, и вчерашний макияж после их, наверняка, дорассветных посиделок за бутылочкой вина с тётей Аллой.

– Тебе плохо? – спохватывается, бросая взгляд на шкаф, где стоят мои лекарства. – Лиза? У тебя вчера температура была...

– Уже нет. Ты же знаешь, для меня это норма.

– Лиза...

– Всё хорошо, – вру нагло и натываюсь взглядом на Полину стоящую за спиной мамы и отчаянно качающую головой. – Просто... просто решила, что хочу пойти в школу

раньше, мам.

– Раньше? – хмурится. – Насколько раньше? Надо обсудить это с папой, детка. Согласовать с врачом и директором школы, поэтому...

– Я иду в школу сегодня, мама, – перевожу на неё твёрдый взгляд, слушая, как по коридору уносится Полина и хлопает за собой входной дверью. – И надеюсь, ты не будешь против единственного решения, которое я хочу принять сама за последний год?

Мама растеряна. Всплескивает руками и, не понимая качает головой:

– Но... Лиза, что за срочность?

– Ничего особенного, – отмахиваюсь, шагая к шкафу за одеждой. – Хочу найти кое-кого.

– И кого же? Звучит как-то странно, если честно.

– Кое-кого, мам, не бери в голову. Просто Полина не помнит кое-кого очень важного. И я хочу помочь ей его найти.

Мама опускается на мою кровать и смотрит, не скрывая подозрения:

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? Между вами с Полиной что-то произошло? Вы поссорились?

Достаю с нижней полки старый джинсовый рюкзак и долго смотрю на нашивку улыбающегося смайлика; хочется вывернуть ему рот в обратную сторону.

– Лиза...

– Всё хорошо, мам, я всего лишь возвращаюсь в школу, –

улыбаюсь ей также фальшиво, как этот тупой смайлик на рюкзаке. – Мне просто надоело сидеть в клетке.

Глава 4

– Нина Викторовна, эм-м... вы... вы уверены, что это хорошая идея?

Мама рассеянно смотрит на меня, затем на Антона Павловича – директора школы, затем снова на меня, негромко прочищает горло и напускает на лицо немного больше уверенности.

– Я... – смотрит в вечно выпученные глаза Антошки, как его вся школа за спиной называет и говорит твёрдо: – Это решение Лизы. Мы с отцом его одобряем, как и доктор. Так что не нахожу причин тому, почему моя дочь не может вернуться к учёбе на две недели раньше запланированного, раз уж она этого хочет.

Антон Павлович продолжает щёлкать шариковой ручкой, выпячивает губы и смотрит на архивный шкаф с видом глубокомыслящего человека. А я рассматриваю всё те же жёлтые вертикальные жалюзи, горшки с цветами на подоконнике, всё тот же стол в форме буквы «С», рельефные обои в тонкую полоску и кажется, будто только вчера покидала стены этого кабинета, школьные коридоры, прощалась с одноклассниками...

Прощалась – как громко сказано. Так громко, что руки потеют, стоит подумать о скорой встрече с ними, а по спине

холодок крадётся.

Глубоко вдыхаю и смотрю на директора. Даже костюм на Антошке всё тот же: твидовый, тёмно-коричневый, в большую клетку.

Скребёт кончиком ручки лысеющую макушку и наконец, заключает:

– Что ж, раз так, не вижу никаких проблем, чтобы продолжить обучение Лизы в школьном учреждении с этого дня. – Опускает руки на стол и наклоняется ближе к маме. – Однако вы должны понимать, Нина Викторовна, что со своей стороны я и поставленные в известность преподаватели сделаем всё возможное, чтобы сохранить конфиденциальность информации, это ваше право, и школа чтит желание Лизы оставить всё в тайне, но всё же, я не могу дать стопроцентной гарантии, что утечки не произойдёт. Это школа, поймите, дети слишком любознательны, а иногда слишком упёрты в желании докопаться до истины, даже если эта истина их не касается. Поэтому...

– Антон Павлович, – перебивает мама, – мы всё понимаем. Лично я не вижу в этом никакой проблемы, но Лиза... просто она так решила.

Директор откидывается на спинку старого кожаного кресла и смотрит на меня:

– Да, но позвольте полюбопытствовать. Спрошу прямо: Лиза, ты боишься насмешек со стороны одноклассников? Если это так, то хочу тебя заверить...

– Нет. Я не боюсь, – и это всё, что я хотела сказать.

Директор поджимает губы:

– Тогда... тогда в чём же причина? Даже твои друзья не знают, я прав? У тебя же есть в школе друзья?

– Я просто считаю, что им не нужно об этом знать.

Смотрю на маму, на воспалённые, после бессонной ночи у тёти Аллы, глаза и чувствую вину, что из-за меня она теперь точно не выспится.

– Антон Павлович, я и мой муж неоднократно говорили с Лизой на эту тему, поверьте. Но мы уважаем решение нашей дочери оставить всё в тайне, поэтому прошу вас отнестись с пониманием и всего лишь пресекать разглашение информации. К тому же, это выпускной класс, вам не придётся хранить тайну моей дочери слишком долго.

Ещё минут двадцать ушло на напоминание школьных правил, на уточнение предметов, которые были у меня во время домашнего обучения, хоть и длилось оно всего несколько месяцев, а также на просвещение о том, что в большинстве школьных кабинетов заменили мебель и переклеили обои, так что я должна быть предельно аккуратна в обращении со школьным имуществом.

И вот я осталась одна с практически пустым рюкзаком за спиной, посреди мрачного школьного коридора с выкрашенными в больнично-голубой стенами и выключенным в целях экономии освещением.

Мама поцеловала меня раз десять и умчалась домой го-

товить отцу завтрак, обед и ужин, чтобы, так и не выспавшись добросовестно отправиться на работу, с которой ей также помогла тётя Алла. А точнее – её муж, который является владельцем крупной компании, занимающейся застройкой большей части черноморского побережья гостиницами и отелями для отдыхающих.

Мой отец работает в порту и руководит разгрузкой мелких торговых суден. Уже лет пять, как руководит и вроде как ожидает повышения.

Зачем вообще сейчас об этом рассказываю?.. Всё просто – всего лишь пытаюсь оттянуть момент, когда опущу вот эту ручку класса русской литературы и предстану перед 11«Б», тем самым, который в последний раз видела больше года назад.

Знала, что вернуться в школу будет сложно. Но даже не предполагала, что настолько, да ещё и в таких обстоятельствах. После того, что случилось с Полиной, после того, что узнала от неё утром, после того, как сестра умоляла меня не возвращаться в школу.

«Они найдут тебя! К тебе приставят куратора, Лиза! Тебе не избежать этого! Никто ещё не избежал!»!

Да что же это за игра такая?.. Какой ненормальный её придумал? И главный вопрос – для чего?! Это же... безумие какое-то. Издевательство над людьми, над их психикой. В голове не укладывается! И главный безумец находится где-то здесь – в одном из классов. Как и скорее всего тот, кто изна-

силовал мою сестру, будучи уверенным, что никто и никогда об этом не узнает. Но я знаю. А я – уже единица.

«Надеюсь, ты знаешь что делаешь, милая», – сказала мне мама напоследок.

– Надеюсь, – шепчу себе под нос и открываю дверь класса.

Знаете, как это бывает? Когда было шумно, оживлённо, и тут бац – тишина. Тугая, напряжённая. И ты понимаешь, что стал ей причиной. Эпицентром события, фигурой приковавшей взгляды всех до единого, даже учителя – Марии Петровны, глаза которой едва на лоб не полезли при виде меня на пороге её кабинета.

Стою, как в землю вкопанная. Блуждаю взглядом по застывшим лицам одноклассников, потом обливаюсь и пытаюсь сглотнуть ком застрявший горле, чтобы пропихнуть в лёгкие хоть немного кислорода. Руки дрожат так сильно, что приходится спрятать их в карманах толстовки, голова идёт кругом, в глазах плывёт. Адреналин, испуг, паника?

Боже...

«В чём дело, Лиза? Ты же готова была. Маму, отца, директора заверила, что готова! Чего мнешься, стоишь? Давай, сделай хоть что-нибудь, чтобы не выглядеть законченной идиоткой.»

– Лиза? – Спасибо тебе, Мария Петровна, что сказала хоть что-то. – Но... разве ты не через две недели должна была к нам вернуться? – Выглядит крайне удивлённо, пожимает плечами и обводит растерянным взглядом учеников, будто у

них есть ответ на этот вопрос.

– Я... – Боже, что за жуткий писк, а не голос? – Я уже... вернулась. Раньше. Эм-м... так получилось.

Напряжённая тишина сменяется шумком пробежавшимся по классу и дышать становится немного легче. Но среди моих одноклассников по-прежнему нет ни одного человека, кто смотрел бы куда-либо ещё, кроме меня и только из-за этого ногти всё больше и больше въедаются в кожу, а суставы стонут от боли в сжатых кулаках.

– Багрянова вернулась! – не знаю кому принадлежал этот возглас.

– Что ж... – Мария Петровна, наконец, смиряется с моим визитом, хоть и выглядит обескураженно, указывает на пустую парту в конце класса и, глядя поверх прямоугольных очков с толстенными стёклами, вроде как даже с сожалением сообщает, что это единственное свободное место.

Опускаю голову и плетусь по проходу между рядами, акцентируя всё внимание на ногах, которые слишком сильно вибрируют и могут отказать в любую секунду. Бросаю рюкзак на пол, опускаюсь на один из пустых стульев и тихонечко выдыхаю.

Парта у окна, в крайнем правом ряду. Хорошая парта, и в правду новая, столешница прям блестит и она – всё, куда я могу смотреть.

– Заграничная вернулась...

– Припёрласьблин...

– У неё с башкой проблемы...

– Слышала, она в психушке была...

– Дура, что ли? Психи в школах не учатся.

– А ты тогда кто? Исключение?

Смех.

– Тихо всем! – Мария Петровна никогда не владела достаточным авторитетом, чтобы все послушались её с первой попытки.

– ТИХО ВСЕМ! —Попытка номер два увенчалась успехом. – Лиза, у тебя есть учебник?

– Я... – гляжу исподлобья, – я их ещё не получила.

– Хорошо. Кто-нибудь, поделитесь с Лизой учебником и продолжим урок!

И тишина. Как предсказуемо.

Поднимаю голову и набираюсь смелости, чтобы оглядеть своих одноклассников. Некоторые всё ещё таращатся в мою сторону, у некоторых интерес пропал, некоторые продолжают шептаться и посмеиваться – в основном девчонки; слышу, как обсуждают мои выующиеся волосы, будто год назад они были идеально прямыми.

– Кто-нибудь, поделитесь с Лизой учебником!

– А вдруг она заразная?

Смех.

– ТИХО!

– Держи, – учебник по русской литературе падает передо мной на парту, и я встречаюсь удивлённым взглядом с

девушкой, что стоит рядом и смотрит на меня холодными голубыми глазами. Чёрные волосы Вероники собраны в высокий конский хвост, и каждый раз удивляют своим здоровым блеском. Узкие джинсы-дудочки и шелковая рубашка глубокого синего цвета удивительно гармонично сочетается с бронзовым загаром. Если честно, вообще не представляю, в какой одежде Светлакова может выглядеть плохо. Она идеальна во всём. Идеальная внешность, идеальная одежда, идеальное положение, идеальная семья, идеальное будущее. Пример для подражания всех девчонок в школе. Вероника Светлакова – ледяная королева, в кругу которой хочет находиться каждый.

Я никогда не хотела.

В отличие от моей младшей сестры.

Хмыкает застывшей мне и приподнимает уголок губ в позабавленной улыбке:

– Пожалуйста.

Провожая её взглядом до тех пор, пока не возвращается на своё место в центральном ряду за третьей партой и, наконец, беру себя в руки, смотрю на учебник и открываю на странице, которую называет Мария Петровна.

«Русская литература начала XX века», – читаю заголовок и на этом заканчиваю. Смотрю на рисунок выведенный от руки на всю страницу обычной шариковой ручкой с синими чернилами – не особо аккуратная клетка с прутьями, на дне которой валяется явнодохлая птица.

И словно током ударяет. Кожа покрывается мурашками. Так резко поднимаю на Светлакову глаза, что с пару секунд вообще ничего не вижу – сплошная тьма, которая очень медленно приобретает очертания человеческого лица с двумя голубыми глазами и загадочно-садистской улыбочкой растянутой на алых губах.

– Яроцкого опять нет? – проплывает где-то далеко голос Марии Петровны. – Исключения добивается? Что ж, я поговорю с вашим классным руководителем по этому поводу.

– Да дрыхнет он, как всегда! – смешок кого-то слышится следом, в то время пока я и Вероника, по всей видимости, играем в гляделки: я не моргаю, и она не думает. Нет – эта стерва забавляется, кайфует от своей мнимой власти.

И явно веселится.

Первая разрывает контакт глазами, усмехается, перебрасывает «конский» хвост за спину и якобы углубляется в чтение.

Захлопываю книгу и со скрипом отодвигаю стул.

– Лиза? В чём дело?

– Мне... мне надо выйти, – не дождавшись разрешения, на автомате иду к двери.

Слышу голос Марии Петровны и не понимаю ни слова.

Слышу глумливые смешки, долетающие в спину, и понимаю всё:

– У Багряновой припадок.

– Сейчас пена изо рта пойдёт.

– За границу опять сваливает, отвечаю!

– Вы идиоты все, или что? Что она вам сделала? – Не придаю значения этому женскому голосу.

Толкаю дверь и сходу на кого-то налетаю. На кого-то высокого и крепкого и очень стойкого, раз отпружиниваю от него как резиновый мячик и ударяюсь задом о выкрашенный в коричневый пол. Бо-о-ольно ударяюсь и тихонечко стону себе под нос.

Хор из смеха тут же сокрушает голову, и в этот момент волей-неволей задумываюсь над тем, почему они все меня ненавидят? Что я им сделала? Когда и как дорогу перешла?

Они самые. Всё те же лица, какими запомнила их. Слегка повзрослевшие, но всё те же – мои одноклассники, с которыми прежде никогда проблем не было. Я всегда была в нейтральной зоне, на меня внимания-то по большей части не обращали, так что же изменилось? За что они меня возненавидели? Всего лишь за моё отсутствие?

– Лиза, всё в порядке?

Отмахиваюсь от Марии Петровны, потому что встречаюсь взглядом с Ним.

Максим Яроций – вот на кого я налетела.

Вот из-за кого всё ещё сижу на полу, как последняя идиотка, и пытаюсь вспомнить, что такое двигаться.

Его взгляд приковывает, не отпускает. Словно гвоздями к земле прибывает, запрещая сходить с места, пока не разрешит – так он смотрит. Холодность и жестокость искорками

тока плещутся в тёмных зелёных глазах. И что-то ещё, что похуже всего этого, что-то похожее на... презрение.

Теперь, находясь так близко, понимаю, как сильно ошибалась: Макс не просто изменился – он стал другим человеком. Не просто более взрослым, а будто потрёпанным временем.

Стал выше меня практически на голову, шире в плечах, но явно забросил занятия спортом, так как нет у него той мускулатуры, которую на спор с кем-то собирался нарастить. Худощавый и жилистый – это осталось без изменений. Узкие бедра, на которых низко сидят чёрные джинсы с дырами на коленях, из-под резинки тёмно-зелёной куртки-бомбера выглядывает мощный ремень с металлическими заклёпками, на ногах – обычные кеды, а густую тёмную шевелюру с трудом скрывает серая бейсболка с тремя тоненькими колечками на краешке козырька.

И я продолжаю смотреть на него, как пришибленная. А он на меня: холодно, равнодушно.

На щеках ни грамма румянца, или загара, будто в то время, когда вся молодёжь с пользой проводила летние каникулы на пляже, Яроцкий запер себя в каком-нибудь сыром подвале и выходил из него только по ночам.

Тени под глазами говорят о недосыпе, ну или крайней усталости, что одно другому не мешает. Лицо вытянулось за этот год и обострилось, черты стали выразительнее, и как ни странно – привлекательнее. Подбородок крупнее, а скулы шире. Где-то под этой густой неряшливой чёлкой спря-

тан высокий лоб, морщинка между длинными прямыми бровями раньше никогда не появлялась – весёлые беззаботные люди редко хмурятся. Но этот Макс... думаю, выглядит так практически всегда. Единственное, что в его лице осталось прежним, это ровный нос с высокой перегородкой и слегка заострённым кончиком и яркие губы, по странным причинам не лишившиеся цвета. Вспоминаю, сколько девчонок сохло по этим губам... Даже голосование устраивали за парня, с которым хотели бы поцеловаться. Помню, что и я голосовала за Эти губы. Макс всегда мне нравился, как и половине школы. Но я для него была лишь приветливой одноклассницей.

Всего год. Всего год прошёл после смерти Кости – его лучшего друга, а от прежнего Максима Яроцкого не осталось ничего прежнего.

– Прекратите! – голос Марии Петровны вновь становится для меня слышимым, но я по-прежнему не могу заставить себя оторвать взгляд от лица Макса и подняться с пола. – Лиза! Максим! Оба! Немедленно займите свои места! Не урок, а балаган какой-то!

– Может Багрянова сдохла?

– Кирилов!!!

– Что-о-о? Сами посмотрите – она не двигается!

– На Яроцкого вылупилась!

– Эй, Вероника, кто-то только что запал на твоего парня!

– Кирилов!

– Да, что-о-о?!

– Сейчас выгоню из класса!

Шаг. Два. И кеды Макса оказываются у моих ног. Вытаскивает руку из кармана джинсов и протягивает мне, не разрывая контакт глазами.

По классу прокатывается весёлый свист вместе с криками Марии Петровны призывающей к дисциплине.

Что-то подталкивает, звенит в голове, просит взять его за руку, узнать какая она: тёплая, холодная, сухая, или влажная, как будто это имеет значение. Что-то гадкое, непрощенное провоцирует. Саднит в груди и требует смотреть на Яроцкого, как можно дольше, а желательно – до бесконечности. И лишь остатки здравого смысла пытаются достучаться до застывшего в оцепенении мозга и напомнить, что Макс, тот самый парень, по которому я сохла всю среднюю школу, как вкопанный стоял у стены и ничего не сделал, когда мне была нужна помощь на той уродской вечеринке!

Отталкиваюсь руками от пола и самостоятельно встаю на ноги.

Плывать на свист и на крики Марии Петровны, урок которой был сорван. Плывать на всех их! Это мой последний год в школе, и я вернулась на две недели раньше не для того, чтобы рыдать из-за каких-то унижений, до которых мне и дела нет, после всего, что я уже пережила за свою недолгую жизнь. Я здесь не для этого.

Огибаю Макса и направляюсь к выходу, решив, что вли-

ваться в школьную жизнь лучше начать со следующего урока, и прежде чем захлопываю за собой дверь, слышу одинокий холодный смешок за спиной, точно зная, кому он принадлежит.

Глава 5

– Ну, привет, школьный туалет.

На тяжёлом выдохе сажусь на подоконник, притягиваю колени к груди, упираюсь в них подбородком и долго, безо всякого интереса смотрю в окно. На внутренний двор старой трёхэтажной школы, на свеженький асфальт, по которому барабанят тяжёлые струи дождя, на клумбы с цветами, чьи пожухлые и лишённые цвета головки под напором ветра прижимаются к земле. Смотрю на школьный стадион вдаль, футбольные ворота, шины воткнутые в песок раскрашенные в жёлтый и красный, турники для подтягивания... Вспоминаю как каждое занятие по физкультуре, что проходило на улице, проводила вон на той скамейке без спинки: читала, рисовала всякую ерунду на последних страницах тетрадей, пыталась сделать уроки на завтра, или просто смотрела как мальчишки играют в футбол.

Яроцкий всегда играл за нападающего. И за него всегда болели девчонки: подбадривали, даже кричалки придумывали. Я же сидела в стороне и молча наблюдала. Да, я любила за ним наблюдать. Он был таким идеальным и в то же время простым, хорошим парнем, с блеском в глазах и такой заразной улыбкой с двумя ямочками на щеках, что сама не замечала, как начинала улыбаться.

И вот в кого он превратился. Если подумать, я даже не знаю в кого.

Да и не должна думать. Полина и игра, придуманная группой каких-то ненормальных – вот чему стоит уделять максимальное внимание. И первое, что сделаю, когда выйду из этого туалета – найду Светлакову и потребую у неё ответы. Она знает на какие вопросы.

Со звонком на перемену покидаю своё укрытие и шагаю по коридору второго этажа к кабинету, в котором оставила рюкзак. Фойе с шестью подпирающими потолок толстыми столбами наполнено народом, средние классы проносятся мимо, едва не сбивая с ног, а старшеклассники, как один, вылупляются в мою сторону. Возможно, просто кажется, но скорее всего нет. Это школа. Слухи здесь расползаются со скоростью торнадо. Уверена, практически каждый теперь хочет собственными глазами увидеть ту таинственную девчонку, которая по каким-то не разглашаемым причинам целый год отсутствовала в школе. Для них я – всё равно что пришелец, о котором никто ничего не знает, кроме слухов, которые ещё больше усиливают желание выяснять правду. Это же так важно – сунуть нос в чужое дело.

Они – шакалы, готовые сожрать одного ради поддержания авторитета вожака стаи. А чтобы быть вожаком, вроде Светлаковой, нужно быть сильной и до небес уверенной в себе. Если же ты выделяешься по любой другой причине, ты – мишень, белая ворона, объект для насмешек. И я, судя по все-

му, «удачно» выделилась.

Замираю рядом с партой, за которой сидела.

Ну конечно... рюкзак пропал.

На всякий случай оглядываю другие места, но отлично знаю, что моих вещей здесь больше нет.

Вспоминаю, какой урок будет следующим, и иду на третий этаж к кабинету химии.

– Лиза! – звучит знакомый голос, и я испытываю некоторое замешательство при виде широкой улыбки на лице моей сестры. – Я звонила тебе.

Вытаскиваю телефон из кармана джинсов и нахожу три пропущенных.

– Всё-таки сделала это. Вернулась, – Полина не даёт ответить и больше не улыбается. – Говорила же...

– Мне надо идти.

– Стой, – хватает за руку и смотрит виновато. – Я хочу... извиниться за... в общем... Прости, что вела себя, как сука.

Закатываю глаза:

– Забей. Я пошла.

– Как первый день?

– Потрясно.

– Лиз... Что-то случилось? – Вижу тревогу в её глазах.

– Нет, – вру. – Просто рюкзак кто-то спёр.

– Что?!

– Сама разберусь. Не ходи сегодня никуда, ладно? Будь дома. Надо поговорить.

– Опять ты...

– Полина, – шиплю ей в лицо, – это не шутки, всё серьёзно! Ты, правда, не понимаешь, как далеко всё зашло? Включи ты свою башку, наконец!

Раздаётся звонок и становится причиной, по которой моей сестре удаётся улизнуть от меня без ответа.

Ей всё равно.

Смотрю ей в след и едва сдерживаю порыв смеха на грани отчаяния.

Мою сестру изнасиловали в туалете чужого дома, а такое чувство, что отымили меня!

– Багрянова-а-а-а? – глумливо протягивает кто-то, стоит переступить порог кабинета. – А, Багрянова-а-а... Приве-е-етик.

– Ты больной, Кирилов? Чё те надо от неё? – А этой девчонки я не знаю. Не помню её в нашем классе. Улыбается? Мне? Да ещё и приветливо? Хочется потрясти головой, чтобы от галлюцинации избавиться.

– Привет, – и проход мне загораживает. Высокая, крупная, широкая в плечах, с крашенными в жгуче-чёрный волосами, в длинной тёмно-синей юбке в складку и в заправленной в неё футболке «Metallica», мощные ботинки на шнуровке выглядывающие из-под подола, невольно притягивают взгляд, глаза густо подведены чёрным в стиле моей сестры, а в брови и в нижней губе пирсинг. И эта странная девчонка мне улыбается!

Улыбка мне нравится, кажется искренней.

– Зомби и психичка подружиться решили! – комментирует Кирилов Саша. Помню этого козла. Козёл – он и в Африке козёл.

– И почему ты Зомби? – спрашиваю.

Девчонка, будто ей всё равно, пожимает плечами:

– Ну... просто кое-кто, путём не самого удачного логического заключения, решил, что это тупое прозвище мне подходит. Вообще-то я Зоя.

– Зомбятинаааа...

– Заткнись, – рычит на Кирилова Зоя. – Такой идиот.

– Я Лиза.

– Знаю, – улыбается. – А я типа новенькая. С этого года в этой школе учусь.

М-м-м... так вот почему со мной подружиться пытается? Двум изгоям общества лучше держаться вместе?

Может и так. Но точно не сейчас.

– Прости, мне надо... – оборачиваюсь, подбирая вежливые слова, и замираю взглядом на доске, где кто-то очень постарался, выводя мелом большие красивые буквы: «С возвращением!» И это приветствие вполне могло бы стать единственной приятной неожиданностью за сегодняшний день, если бы только не нашивка в виде жёлтого смайлика не особо аккуратно вырезанная с моего рюкзака и приклеенная под меловой надписью вверх тормашками. *Вот и вывернулась улыбка наизнанку.*

– Я хотела тебе сказать, – звучит неуверенный голос Зои, а я сейчас как раз-таки напоминаю того самого Зомби, которым прозвал её Кирилов – уверена, что позеленена, глаза расширены в потрясении, а рот нелепо приоткрыт, так и не договорив до конца то, что собирался.

– Кто это сделал? – с трудом слышу собственный шепот, зато отлично слышу дружный, приглушённый смех за спиной. Поворачиваюсь к Зое, которая лишь тяжело вздыхает и говорит что-то о том, чтобы я не обращала внимания, что всё это не стоит того, чтобы переживать, потому что большая часть нашего класса – законченные идиоты.

И, да, она права. Вот только... я не понимаю...

– Что я им сделала? – шепчу так же тихо головой и туманным взглядом скольжу по лицам одноклассников. Останавливаюсь на лице Вероники и испытываю такое отвращение при виде её лёгкой полуулыбки, которое никогда ни к кому не испытывала.

Это она. Уверена – она это сделала!

Смех и оживлённые разговоры с крайнего ряда приковывают внимание. Не замечаю, как двигаюсь по проходу к дальнему окну, в которое все почему-то вылупились, а потом и сама вижу причину... Мой рюкзак. Выпотрошенный, порезанный на лохмотья валяется у главного входа в школу и напоминает промокшую насквозь кучу невзрачного мусора, а немногочисленное содержимое: блокнот, парочка чистых тетрадей, ручки с карандашами разбросаны рядом. И самое

главное – МРЗ. Ему конец.

– Кто-то постарался, – слышу перешёптывание Никольской и Голубевой – двух подружек помешанных на учёбе, которые никогда не ввязывались в подобное – слишком примерные.

– И я даже знаю кто, – отвечает Голубева, цокая языком. – Совсем с ума посходили.

Замечает, что я смотрю на неё в упор и заливается краской до самых ушей, тупит взгляд, упирая его в учебник по химии, и неловко откашливается.

– Кто это сделал? – севший голос кажется чужим.

– Откуда нам знать? – отмахивается Никольская, резко меня показания, и исчезает за учебником.

Да что вообще происходит? Не много ли для первого дня?!

Зоя оказывается очень проницательной, когда по одному выражению лица определяет мои дальнейшие действия, хватая за руку и убедительно произносит:

– Не надо. Только хуже сделаешь.

Сверлю Веронику взглядом, пока та с беззаботным видом подпиливает ногти и делает вид, что не при делах. Но это она! Всё она: начиная от открытки с клеткой и заканчивая порчей чужого имущества.

– Класс! – Светлана Ивановна появляется до того, как я успеваю сорваться с места в попытке выцарапать Светлаковой глаза.

– Садимся на места! Звонок давно был!

– Иди, – Зоя кивает на пустую парту позади, а меня по-прежнему тянет в противоположную сторону – к Веронике, которая усаживается на стул, как на трон позолоченный, и не спускает с меня заинтригованного взгляда.

Ну ладно!

– Какого хрена?! – толкаю её парту, так что чёрная лакированная сумочка со звоном золотистой цепочки падает на пол, и смотрю сверху вниз в красивое лицо это гадины, которое ни на грамм не изменилось!

– Багрянова! – И недовольство учителя сейчас как-то вообще не волнует.

– Что за игры большие? – шиплю в лицо Вероники. – Чего тебе надо от меня?!

– Багрянова! Да что же это такое?!

– Психички – такие психички, Светлана Ивановна, же-е-есть... – протягивает кто-то.

– Не понимаю о чём ты, – Светлакова продолжает беспечно улыбаться, склоняет голову набок и с нескрываемым удовольствием ждёт ответной реплики.

– Мой рюкзак, например, – решаю напомнить. – Открытка, рисунок в учебнике по литературе. Моя сестра, наконец! Всё ещё не понимаешь?!

– Так! Я пошла за директором!

– Не поможет, Светлана Ивановна... Тащите транквилизатор!

– Мне нет дела до твоей сестры. Сама за мной везде таскается, – пожимает плечами, выпрямляет спину, демонстрируя идеальную осанку, и вытягивается передо мной так, что приходится задирать голову, чтобы продолжать прожигать её физиономию взглядом.

– Ты знаешь, что с ней случилось! – И это не вопрос. А голос мой не просто громок – он звенит от ярости, обиды, боли за сестру!

Хлопает дверь, и класс в одно мгновение наполняется гамом, как следствие того, что учитель покинул кабинет. Кто-то свистит, кто-то требует драки, а кто-то даже ставки делает.

– Кто это сделал?! – кричу, сжимая кулаки.

– Сделал, что? – косит под дурочку Светлакова. – Я тебя не понимаю, Багрянова. Говори проще.

Проще? Как можно сказать проще о том, что какая-то сволочь изнасиловала мою сестру?!

– От тебя слишком много шума, – вздыхает. – И это в первый день.

Ещё крепче сжимаю кулаки, и Вероника не оставляет это без внимания.

– Ударить меня хочешь? – усмехается.

– Да!

– И чего ждёшь?

Трясёт. Так сильно, что, кажется, будто пол под ногами вибрирует. И если бы мозгов у меня было немного меньше, клянусь, я бы уже съездила Веронике по морде, не думая о

последствиях.

Видит, что я сдулась.

– Успокойся, Багрянова, – смотрит с сочувствием лживым, – тебе это не на пользу.

Замахиваюсь! Чёрт! Замахиваюсь, не знаю зачем, потому что не собираюсь её бить, но не успеваю опустить руку и уйти с очередным позором, как кто-то перехватывает запястье на лету и до боли сжимает пальцами. Рвёт в сторону, так что едва на ногах устоять удаётся, и вместо Вероники передо мной оказывается копна тёмных волос выбивающихся из-под кепки, а злые, тёмные глаза Яроцкого прибивают к полу.

– Ууууу... конец тебе, психичка, – кричит кто-то. – Не на ту девчонку наехала!

Пытаюсь выдернуть руку, но хватка Яроцкого слишком сильна – и не думает отпускать.

– Это типа девчонка его, – узнаю голос Зои, которая оказывается сбоку от меня и смотрит на Макса так, будто тот и ногтя её не стоит; даже завидую ей немного.

– Отпусти, – требую, убеждая себя, что слёзы всё ещё не на подходе.

Глаз с меня не сводит и будто внутри копается, одним взглядом наказывает, что осмелилась наехать на чёртову королеву школы!

– Отпусти! – дёргаю руку. Не отпускает. И не говорит ничего.

А затем видимо в конец с катушек слетает: толкает меня в

бок и тащит вслед за собой по проходу, пока все присутствующие продолжают наслаждаться зрелищем и снимать нас на камеры мобильных телефонов.

Открывает дверь и выталкивает меня в коридор, где становится непривычно тихо и, эта тишина режет слух, кажется слишком острой, непосильной.

Вжимает в стену, нависая сверху, и продолжает молчать для пущего эффекта. Всё в лицо всматривается, хмурится, словно в непонимании, выискивая что-то, будто у меня на лице не хватает какой-то важной детали!

– Тихо не сидится, да? – наконец произносит и у меня дыхание замирает.

Его голос – вот, что осталось прежним. Давно поломанный, с низким тембром, будто дымкой обволакивающий.

– Я тебе вопрос задал.

А потом понимаю – что появилась лёгкая хрипота. И как по щелчку запах сигарет ударяет в нос, оставляя сомнения позади – бывший лучший спортсмен школы травит себя никотином.

Стоит слишком близко, чтобы сбежать.

Смотрит слишком пристально, чтобы отвернуться.

И самое обидное – у меня даже аргументов против него нет никаких, чтобы бросить в лицо, упрекнуть за что-то. Сейчас я – всего лишь психованная девчонка, вернувшаяся в школу и устроившая беспредел в классе химии. Мои проблемы – ничто.

– Молчать будешь? – мурашки на коже вспыхивают от этого голоса.

– А что сказать? – сосем тихонько.

Вглядывается, слегка глаза щурит и не отходит ни на сантиметр.

– Может, и мне врезать хочешь?

– Я не собирала...

– Знаю, – перебивает, как кляпом рот затыкает. – Слишком трусливая. Вали. – На выдохе отходит в сторону, но продолжает смотреть в упор.

Расслабляю плечи и отлипаю от стены.

– Я не вернусь в класс.

– Я и не предлагал тебе это. – Кивает вдаль коридора: – Вали.

И я валю... О, да, заставляю ноги двигаться, а слезам возвращаться на место и валю! Всё дальше и дальше по коридору, пока этот проклятый голос вновь не заставляет остановиться.

– Зря ты вернулась, – эхом проносится по пустому коридору, и я заставляю себя обернуться. Медленно... очень медленно.

Всё ещё там – у двери. Всё ещё смотрит, так пристально, что дыхание перехватывает.

Кто он такой чтобы осуждать мои решения?

– Это угроза? – усмехаюсь с горечью.

– Нет, – отвечает спустя паузу. – Уже нет. – Хлопает по-

зади себя дверью кабинета химии и оставляет меня одну во мраке коридора.

Ещё в гардеробе почувствовала странный запах гари. Но вот только и подумать не могла, что эта вонь будет исходить от моего плаща.

Большая, практически идеально круглая дыра была пропалена на спине, так что хоть голову просовывай. И знаете что? Я даже не удивилась. Даже не отреагировала никак. Просто надела его, как ни в чём не бывало, набросила на голову капюшон и под удивлённый взгляд технички на вахте покинула стены этого удивительного учебного заведения.

Вероника и Максим – вот что теперь крутилось в голове вместо тех мыслей, которым в ней положено крутиться. Но я просто не могла хотя бы раз об этом не задуматься.

В то время, когда я училась в школе, Вероника, пожалуй, была единственной девчонкой, с которой Яроцкий не ладил. Они вообще никак не общались, а если и перебрасывались парочкой словечек, то без колкостей не обходилось. От любви до ненависти и наоборот, так, да? Так у них случилось?.. Помню слова Вероники, что она даже симпатичным его не считает, и невольно продолжаю удивляться. Вот как значит. Теперь эти двое вместе?.. Крутая из них пара вышла, ничего не скажешь, прям дополняют друг друга!

По пути домой, который занимает около пятнадцати минут пешей ходьбы, а учитывая желание как можно скорее оказаться в спальне и хоть немного почувствовать себя в

безопасности, добираюсь и вовсе за минут семь. Открывая дверь, мысленно радуюсь, что мама на работе, а отец высыпается после ночной смены, тихонько сбрасываю кроссовки, сворачиваю в свёрток дырявый плащ, чтобы мама не увидела, и в этот момент из его внутреннего кармана вылетает уже знакомая мне маленькая открытка всё с тем же изображением птицы запертой в клетке. И открывая её в этот раз, чувствую себя совершенно иначе: руки дрожат, а голова идёт кругом, потому что Полина была права. Потому что Они... добрались до меня.

«Игра начинается. 00:00, школьный стадион. Не придёшь, и все узнают твой секрет», – написано внутри.

Глава 6

Этот семейный ужин проходил в напряжённой атмосфере. Но каждый делал вид, что совершенно этого не ощущает.

Этот семейный ужин был полон секретов и фальшивых улыбок.

Мама делала вид, что ни капли не беспокоится из-за моего возвращения в школу и каждые десять минут спрашивала, как я себя чувствую, как всё прошло, и не передумала ли я отдохнуть ещё немного. А мне в ответ приходилось беззаботно улыбаться и делать вид, что сегодня был самый лучший день в моей жизни! Что мой плащ, спрятанный в угол шкафа, не пропален, рюкзак не разодран в клочья, руки вообще не трясутся от волнами накатывающего ужаса, а в комнате под подушкой не лежит картонка, которая возможно, в скором времени, станет символом моей разрушенной жизни.

Полина ковыряется в тарелке с пловом, и каждый раз вздрагивает, стоит маме её окликнуть.

– С вами обеими точно всё в порядке? Полина? На тебе лица нет.

– Мам, дай денег? – неожиданно меняет тему моя сестра.

– Эм-м... на что? Конец месяца только через две недели, тогда и получишь на карманные расходы.

Полина бросает вилку в тарелку и с понурым видом скла-

дывает руки на груди:

– Мне нужна новая одежда.

Вижу, как мама теряется. Родителям всегда не просто общаться с младшей дочерью. Это я у них – послушная и разумная, а Полина...

– На прошлых выходных мы купили тебе новые джинсы, – мама пытается говорить мягко.

– И что? Я хожу, как бомж!

– Полина! – Мама с опаской поглядывает на закрытую дверь кухни. Моей сестре повезло, что папа слишком устал для семейных посиделок и не слышал этого; поужинал на скорую руку и отправился в душ, потому что уже через час ему отправляться на ещё одну ночную смену, чтобы заменить заболевшего напарника.

В углу работает старый телевизор, по которому идут девятичасовые новости, в окно всё ещё барабанит дождь, а еда совершенно не лезет в рот. Вообще вкуса не чувствую. И вот теперь ещё и претензии этой девчонки...

– Ты же знаешь, у нас не так много денег, чтобы тратить их на новую одежду, в то время, когда в вашем шкафу и так уже места нет. Давай лучше поговорим о твоей причёске? Как насчёт...

– В шкафу одно старьё! – Полина стреляет глазами в меня, и я, как обычно, чувствую укол вины. Мои лекарства слишком дорогие, чтобы мама позволяла себе ни в чём не отказывать младшей дочери.

Полина благодарит за ужин и, громче, чем следовало бы, хлопает позади себя дверь.

– Вкусно? – Мама пытается сгладить ситуацию.

– Очень, – вру. Понятия не имею, какой вкус у этого мяса – всё равно что солому жевать.

– Я знаю, что ты ушла со второго урока, – мама одаривает меня понимающей улыбкой и принимается убирать со стола, пока я заторможенным взглядом смотрю, как на её шее из стороны в сторону болтается цепочка с золотым крестиком. – Мне звонила Нина Эдуардовна, которая так и не успела поздравить тебя с возвращением в школу, но она заверила, что всё в порядке. Не знаю, что там такого произошло на уроке химии, раз даже директора пришлось позвать, но тебя никто ни в чём не обвиняет.

– И почему же? – поднимаю на маму мало заинтересованный взгляд.

Та отправляет в раковину стопку посуды, поправляет сбившийся складками халат в леопардовый рисунок и, пожимая плечами, слегка удивлённо отвечает:

– Вероника Светлакова сказала, что сама тебя задирала, ну или как вы там сейчас выражаетесь?

– Вероника Светлакова так сказала?

– Да, – мама включает кран и выдавливает на мочалку средство для мытья посуды. – Она извинилась перед директором, сказала, что погорячилась. Я, правда, так и не поняла в чём, но... тебя за срыв урока никто не винит.

– А что насчёт русской литературы? – недоверчиво хмрюсь.

Мама выключает воду, упирается ладонями в край стола позади себя и смотрит с немного печальной улыбкой:

– Лиза. В школе все прекрасно понимают, как тебе нелегко. Побег посреди урока на фоне стресса – не самое страшное из всего, что может быть. Главное – твоё здоровье. Вернуться в школу вот так сразу – уже подвиг. Ты моя смелая девочка...

– Не начинай, умоляю, – протягиваю, закатывая глаза, и направляюсь к выходу из кухни. – Чувствую себя щенком, упавшим в канализацию. Спасибо за ужин.

– Лиза?

– Что?

– Всё ведь хорошо, правда?

– Да, – отвечаю не сразу. – Мне ты можешь доверять.

«До тех пор, пока я сама себе доверяю.»

– Я знаю, что случилось с твоим рюкзаком, – Полина уже в кровати, закуталась в одеяло, так что только нос торчит и провожает каждое моё движение телячьими глазёнками.

– Ну и пофиг на него, – плюхаюсь на свою кровать и смотрю на прикроватный ночник с плафоном в виде пышного бутона розы так долго, пока перед глазами белые пятна не появляются.

– Думаешь, одноклассники развлекаются? – голос Полины звучит приглушённо.

Пожимаю плечами:

– Может быть.

– Это не они.

Перевожу на неё хмурый взгляд, но молчу.

– Это игра, – добавляет Полина, и голос становится ещё тише. – Её начало. Никто из твоих одноклассников, как и ты, понятия не имеет, кто стоит за всеми издевательствами. Со мной было так же. Считай это приветствием.

– Почти все, ты хотела сказать, – отвечаю ядовито. – Светлакова точно в курсе.

– Не факт. Она может быть обычной пешкой.

– Светлакова? Не смей меня, – плюхаюсь на подушку и складываю руки на животе.

– Тебе уже прислали вторую открытку?

Поворачиваю к Полине голову и пристально смотрю в выглядывающие из-под одеяла глаза:

– Тебе тоже такие присылали?

– Их всем присылают. Всем «птичкам».

– И сколько их уже было? «Птичек» этих.

– О, в твоём голосе нет сарказма? Теперь сечёшь, что это не шутка, да? – Полина садится, подбирая под себя ноги, и набрасывает одеяло на плечи.

– Если не собираешься выложить всё, – говорю строго, – лучше вообще молчи.

– Я не могу выложить тебе всё. Говорила ведь уже почему! А секреты я хранить умею, сама знаешь.

Знаю. Полина не из тех, кто трепаться любит. Доказано.

– Тогда точно ничего не говори. Ещё больше запутываешь.

Молчит. А я смотрю на неё и вообще понять не могу, какие радиоактивные тараканы живут в голове у моей сумасшедшей сестры, что она ведёт себя так, будто ничего ужасного с ней и не происходило?..

– Зачем тебе новая одежда?

– Надо.

– Зачем?

Полина раздражённо вздыхает:

– У Вероники скоро день рождения. Я не могу пойти к ней на вечеринку в том отстое, что лежит в шкафу.

Что?.. Я ведь ослышалась, правда?

– Куда ты собираешься? – приподнимаюсь на локте. – К Веронике?

– Ты глухая? Повторить, или что?

– Да лучше бы я глухой была! Тебе память отшибло? Забыла, что с тобой сделали в её доме?! – шиплю, с трудом сдерживаясь от крика. – Или напомнить, откуда я тебя вытаскивала и как ты умоляла меня тебе помочь?!

– И дальше что? – цинично усмехается и заваливается на бок. – Я сказала тебе забыть об этом. Это моя жизнь. Тебя вообще мои дела не касаются!

Поднимаюсь на ноги и тыкаю в неё пальцем:

– Если завтра снова захочешь извиниться, знай, что даже

слушать тебя не буду!

– Ага, надейся.

Упираю руки в бока и глубоко дышу, сверля её лицо гневным взглядом.

Меня достало чувствовать себя её мамочкой!

– Понравилось, да? – ужалить стараюсь. – Как тебя трахали?! Больно было, надеюсь?!

Не дожидаясь ответной реакции, возвращаюсь к себе на кровать, плюхаюсь на живот и включаю мобильный – 21:38. Кусаю губу и уверяю себя, что никуда сегодня не собираюсь.

– Тебе просто завидно, что я могу теперь спать с кем хочу, а ты – всё ещё долбаная девственница! – летит в затылок.

Прикрываю глаза и медленно выдыхаю.

«Не ведись, Лиза. Не ведись.»

– Вероника клёвая! Поняла?! – Но эта засранка продолжает провоцировать. – И тебе никогда с ней не тусоваться. Потому что компания Вероники не для отбросов вроде тебя!

Моя сестра сдаётся первой, потому что уже спустя секунду хлопает дверь нашей комнаты, и я точно знаю, что она сбежала от ответа. Завтра, скорее всего, пожалеет о своих словах. А я, как обычно, её прощу.

Разбираясь в собственных сумасшедших мыслях, не сразу понимаю, что уже давно открыла «вконтакте» и с минуту смотрю на сообщения от Паши.

8:13 *«Привет. Как ты там?»*

9:02 *«Почему не отвечаешь?»*

9:06 «Лизиз»?

9:24 «Ты игноришь меня что ли»?

9:32 «Можно набрать»?

9:40 «Лиз, поговорить надо».

9:45 «Я звоню».

9:49: «ТЫ В ШКОЛУ ВЕРНУЛАСЬ»?!!

9:50 «Почему мне не сказала?! Лиза! Набери меня, как дома будешь»!

И пропущенных звонков – пять штук. Все от Паши.

Отбрасываю мобильный в сторону, переворачиваюсь на спину и ещё долго сверлю взглядом потолок. До тех пор, пока не засыпаю. А сплю, пока не вибрирует будильник, установленный на 23:30, и, убеждая себя, что всё делаю правильно, тихонько ускользаю из комнаты.

– Начало всегда одинаковое, – слышу шёпот Полины и на несколько секунд замираю на пороге, глядя на кровать сестры. – Как и конец. Удачи, Лиз.

Куда иду? Зачем иду?..

Боже... да я с ума сошла! В половину двенадцатого ночи, ёжась от холода, шлёпаю по лужам, дрожу крупной дрожью и всё ещё пытаюсь заставить себя поверить в то, что приняла правильное решение.

Светлые волосы как следует спрятала под капюшоном, тёмная куртка, тёмные джинсы... Да кого я обманываю?!

Невидимкой что ли казаться пытаюсь?

Нет, ни в какой игре я участвовать не собираюсь! Всего-то хочу встретиться с тем, кто стоит за всей этой фигнёй и доходчиво, если понадобится то на пальцах, объяснить, что я в их игры не играю! Явиться на назначенную встречу лично – лучший и самый быстрый способ положить всему конец.

Добираюсь до стадиона быстрее, чем собиралась, пролезаю в одну из дыр в старом заборе со стальными прутьями, и на минуту останавливаюсь, разглядывая тёмное здание школы вдали, подсвеченное одним единственным фонарём у главного входа – ни души. Как и на стадионе – абсолютно пусто. Все нормальные люди сидят дома в такую погоду, спят, или смотрят телевизор. Даже собак никто не выгуливает – холод жуткий, и дождь начинает накрапывать.

Глубоко вздыхаю, обнимаю себя руками и двигаюсь дальше по мокрому, шуршащему под ногами, песку. То и дело вращаю головой, поглядываю на часы, убеждаясь, что пришла на десять минут раньше, останавливаюсь у футбольных ворот и жду. А что ещё остаётся делать?

Вот тебе приключение на задницу. Мама бы вмиг поседела, если бы узнала, где сейчас находится её дочь и как рискует. Риск – это вообще не моё. Ещё и страшно в придачу. Стоять ночью, в темноте, в полном одиночестве на школьном стадионе, с ноги на ногу переминаясь и теряться в догадках, что же произойдёт в следующую минуту – так себе приключение. Домой хочу. В кровать хочу.

Начинаю жалеть, что пошла. С каких пор я такая смелая? Нет. Я вообще не смелая. И если ровно в 00:00 никто не появится, то вспомню, что такое быстро бегать и уже через пять минут буду дома.

23:58

Две минуты ничего не решат.

Пора убираться отсюда.

Только дёргаюсь, как по всему стадиону просится рычание мотора и в глаза ударяет яркий свет фар. Нет – одной фары. Не вижу ничего, кроме беспросветной тьмы вокруг белого пятна света, но точно знаю, что чей-то мотоцикл несётся в мою сторону прямо по школьному стадиону!

Ноги к земле прирастают, а фантазия выдумывает такие оригинальные проклятия в собственный адрес, которым даже успеваю удивляться; не думала, что такие слова вообще есть в моём лексиконе.

Щурюсь, не сводя глаз с яркого света, и считаю секунды, когда мотоцикл, наконец, останавливается в метрах пяти от меня, двигатель глохнет, следом раздаётся тихий щелчок и фары гаснут.

И тишина. Ни шороха, ни ветра, даже дождь, кажется, прекратился.

Шлем на голове водителя – все, что имеет чёткие очертания, забрало опущено, руки по-прежнему сжимают руль.

Сглатываю и до упора наполняю лёгкие воздухом.

И раз уж я здесь...

– Я пришла сказать, что не буду ни в чём участвовать! – Когда мысленно репетировала эту фразу, звучала она более внушительно.

Жду ответа, но человек на мотоцикле по-прежнему не шевелится, лишь чувствую, как смотрит. Наконец поднимает руку и манит к себе указательным пальцем, а я ещё раздумываю с минуту: слушаться, или нет, будто сбежать от мотоцикла, если надумаю, есть хоть какие-нибудь шансы. Толкаю себя вперёд, замираю рядом с байком и вижу в тёмном забрале своё мутное отражение, скорее – лишь контуры скафандра, в который превратила капюшон.

– Я не буду... – Не договариваю. Смотрю, как человек вытаскивает из кармана что-то маленькое, серебристое и плоское, сжимает двумя пальцами за красный шнурок и демонстрирует мне.

Флэшка.

– Знаешь, что на ней? – звучит голос из-под шлема.

Нет. Не знаю.

Но теперь точно знаю, кто на мотоцикле.

Отхожу на два шага назад и обнимаю себя так крепко, что рукам больно становится.

– Я должна была догадаться, – трясусь головой.

Нет... Я и догадывалась! Точно догадывалась, но только сейчас это стало настолько очевидным, что смеяться хочется. Ну конечно... если Светлакова – распространитель приглашений в игру, то кто ещё может быть её подсобником, ес-

ли не...

– Сними шлем, Макс. Я тебя узнала.

– А я и не прятался. – Сказал так, будто мы с ним скучнейшую тему на уроке истории обсуждаем. – С первого приглашения пришла? Надо же, молодец какая.

– Я пришла, чтобы...

– Догадываешься, что на флэшке?

– Что ещё, если не какая-нибудь фигня на меня?

– В курсе уже? Хорошо, – хрипло усмехается и поднимает забрало шлема. – Надеюсь, сестра ничего лишнего не сказала?

Стискиваю зубы и сжимаю кулаки.

Вот он – тот, кто заслуживает наказания за всё, что случилось с Полиной! Вот эта сволочь, которая точно знала, что с ней собираются сделать. Если только не...

– Это ведь не ты? – дрожу и одновременно потом обливаюсь. – Ты, или нет?! Кто давал ей эти задания?! Что именно она для вас делала?! И кто сделал с ней ЭТО?! – Голос эхом прокатывается по стадиону.

Дура... даже если Яроцкий ЭТО сделал, с какой стати ему признаваться? С какой стати ему вообще отвечать на мои вопросы?

Выдерживает паузу, прячет флэшку обратно в карман кожаной куртки и кивает назад:

– Садись.

– Ты не слышал? Я отказываюсь. Да пошёл ты со своей

игрой!

Усмехается, глаза лукаво блестя во мраке ночи.

– С этой минуты, *Лиза*, – имя как отборный мат прозвучало, – я – твой куратор. Поняла? А это значит, что с этой минуты ты будешь делать то, что я скажу и когда скажу. Даже если в три часа ночи позвоню и прикажу немедленно вытаскивать зад на улицу. А если не будешь слушаться...

– Можешь оставить себе эту флэшку, – перебиваю. – Мне без разницы, что на ней. Это я пришла сказать.

Паузу выдерживает, глаз с лица не сводит и кривит в жестокой ухмылке губы:

– Знаешь, что на ней?

– Ничего такого, что может меня напугать.

– И тебе даже не интересно?

– Я же сказала: на ней нет ничего такого, чего я могу стыдиться!

– Уверена? – протягивает ехидно.

Вот теперь уже не уверена.

– Готова к тому, чтобы уже завтра вся школа и не только, накручивала счётчик просмотров на залитое в интернет видео с Лизой Багряновой в главной роли?

– У тебя не может быть ничего позорного на меня! Откуда?!

– Из достоверного источника.

– Тогда скажи, что там!

– Зачем мне это? – фыркает, рождая во мне всё большую

неуверенность. Кивает назад: – Садись, сказал.

Качаю головой и делаю ещё шаг назад.

– Чей это мотоцикл? У тебя даже прав ещё нет.

– И что?.. Думаешь, все, у кого есть права, водить умеют? – усмехается. – Садись. Время тикает.

– Для чего ты это делаешь?..

– Главное правило... *Лиза*: не задавать вопросов, на которые не получишь ответов. Твоё дело – выполнить пять заданий полученных от меня и... и всё, – простодушно пожимает плечами. – И можешь валить на хрен. Ну и как бонус – одно желание. Любое, но игры не касающееся. Трёп – запрещён. Решешь почесать языком и будь уверена, я сразу об этом узнаю, и... будь уверена, уже через час твоё видео будет в топе просмотров во всех соцсетях.

Лжёт. Уверена – лжёт! Нет у него и быть не может на меня чего-то настолько ужасного!

– Да что с тобой такое? – всё ещё с трудом верю, что передо мной тот самый Макс Яроцкий, на которого я так любила засматриваться. Где доброта, порядочность, улыбка и теплота в глазах? Куда оно всё делось?

– Мне всё равно, – повторяю с презрением. – Делай с этим видео, что хочешь.

– Очень зря, – фары включаются, и по стадиону проносится рёв мотора. – Если подумать, я мог бы ответить на парочку твоих вопросов.

– Мог бы? – усмехаюсь.

– Да. Сделай всё, что от тебя будет требоваться, и получишь свои ответы. Даю слово.

– Ты знаешь, кто сделал это с Полиной?

– Знаю ли я, кто трахнул твою сестру? – кривая улыбка светится в ночи. – Понятное дело – знаю. Скажу, если пройдёшь игру. Обещаю... *Лиза*.

– Зачем тебе всё это? Жить скучно?

– И даже на эти малоприятные вопросы отвечу, если всё пройдёт, как надо.

– И кто будет судить меня? Твоя девушка? – выплёвываю ядовито.

Не отвечает. Лишь бродит взглядом по моему телу.

– Что на флэшке?

– А говоришь, что не интересно, – иронично вздыхает. – Прыгай на байк. Прокатимся.

– Только не с тобой.

– А кто-то ещё предлагал?

Ненавижу его. Вот сейчас поняла это так ясно – ненавижу Макса Яроцкого.

– Последний шанс, – улыбается гнусно. – Прыгаешь и ты в игре. Нет, и завтра смотри себя на ютубе.

Кусаю губу так сильно, что чувствую привкус крови на языке. Делаю шаг вперёд и тут же назад. Мнусь на месте, решение принять не могу, пока Макс наблюдает за мной с нескрываемым садистским удовольствием.

– Я не могу, – говорю тихо.

– Я давал тебе это шанс, – газует.

– Подожди! Я... я правда не могу. Я не могу сесть на байк!

– Почему? – склоняет голову набок. – Боишься? Давай!

Обещаю: задания будут вполне выполнимыми. Это всего лишь развлечение.

– Я не хочу в этом участвовать.

– Ты уже... участвуешь. Решается лишь то, как скоро эта игра закончится: завтра утром, или немного позже. Что?.. Тебе не интересно, кто сделал это с твоей сестрой?.. Она ведь не скажет – сама знаешь. Ей и так кайфово.

В тупик загоняет.

– Где гарантии, что после игры компромат не всплывёт?

– О, так собственная судьба нашу девочку всё же волнует...

– Не вижу ничего смешного!

Ухмыляется, достаёт из внутреннего кармана пачку сигарет и закуривает.

Делаю ещё шаг назад, как только чувствую запах дыма.

– Что ж вы все такие правильные-то? – фыркает с отвращением. – Такие правильные, идеальные, что собственного дерьма не замечаете...

– Что Я тебе сделала?

– Мне? – удивлённо вскидывает брови и делает новую затяжку. – Да ничего, по сути.

– Тогда почему я? Мы... мы с тобой даже не общались толком. Не были друзьями никогда, просто... одноклассни-

ками. Ты даже не замечал меня. Так что изменилось? Почему сейчас я стала тебе интересна?

Делает последнюю затяжку и отправляет не потушенную сигарету в полёт к футбольным воротам. Тяжело вздыхает, глушит двигатель и запускает руки в карманы куртки.

– Мне надоело, – даже не смотрит в мою сторону. – Больше повторять не буду. Либо сядишь, либо в школу завтра советую не приходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.